

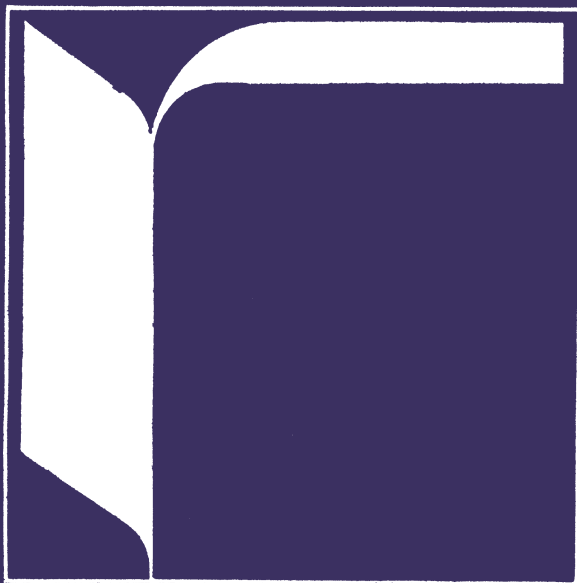
**ЗНАНИЕ**

НОВОЕ  
В ЖИЗНИ,  
НАУКЕ,  
ТЕХНИКЕ

**Н. С. Надъярных**  
**ЛИТЕРАТУРА  
И ДУХОВНАЯ  
ЖИЗНЬ**

СЕРИЯ  
ЛИТЕРАТУРА

**7'79**



НОВОЕ  
В ЖИЗНИ,  
НАУКЕ,  
ТЕХНИКЕ

Серия  
«Литература»  
№ 7, 1979 г.

Издается  
ежемесячно  
с 1967 г.

Н. С. Надъярных,  
доктор филологических наук

# ЛИТЕРАТУРА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Издательство  
«Знание»  
Москва  
1979

## СОДЕРЖАНИЕ

Новые формы человеческого общежития . . .	3
«Почему мы и сегодня пишем о войне?» . . .	20
Герои жизни — герои литературы . . .	33
Связь времен . . . . .	54

**Нина Степановна Надъярных**

### ЛИТЕРАТУРА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Зав. редакцией М. Б. Новиков  
Редактор Н. М. Краснопольская  
Мл. редактор Л. Ю. Михайлова  
Худож. редактор М. А. Гусева  
Техн. редактор Т. В. Пичугина  
Корректор Н. Д. Мелешкина

ИБ № 1811

А 10214. Индекс заказа 97007. Сдано в набор 18.04.79 г. Подписано к печати 6.06.79 г. Формат бумаги 70×103/32. Бумага типографская №1. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 2,60: Уч.-изд. л. 3,57. Тираж 129 470 экз. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 782. Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.  
Цена 11 коп.

**Надъярных Н. С.**  
Н17 Литература и духовная жизнь. М., «Знание», 1979.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература», 7. Издается ежемесячно с 1967 г.).

В развитом социалистическом обществе возрастает роль духовных факторов, повышается значение духовной культуры. Как отражает советская многонациональная литература эти процессы, как художественно осмысляет она содержание и принципиальную новизну социалистического образа жизни, показывается в брошюре на основе анализа книг многих советских писателей.

70200

83

© Издательство «Знание», 1979 г.

## Новые формы человеческого общежития

Рассказывая о своей работе над повестью «Сотников», В. Быков отмечает, что ему всегда трудно дается начало произведения. «Начать следует так,— говорит он,— чтобы это было не слишком далеко, но и не слишком близко».

Может быть, потому, что начало любого труда, как правило, сопряжено с трудностями, а возможно (или даже — наверняка), из-за того, что избранная мною тема сразу потребовала четких временных и социально-эстетических критериев, мне вспомнились эти слова.

Ясно, что соотношение — советская многонациональная литература и современная духовная жизнь общества вполне определено в своих историко-эстетических параметрах. Ясно огромное значение решающих рубежей нашей жизни: Великой Октябрьской социалистической революции, построения первого в мире социалистического общества. Но — истоки? Где проходит «основная историческая связь», о необходимости которой в анализе любого явления всегда наговинал В. И. Ленин?

Можно, исследуя роль литературы в духовной жизни общества, отправить читателя к самой далекой древности, к отстоящим от нас на целые века эпохам. Это будет оправдано в известном смысле, когда речь пойдет о постижении советской литературой самих корней, предпосылок современной духовности. Важно помнить и о временах, непосредственно предшествовавших нашему, когда крепились и развивались революционные традиции. Уместно, наконец, скрещение больших временных плоскостей, потому что только так можно понять тот синтез прошлого в сопряженности с настоящим и будущим, который придает современной художественной концепции духовности историческую масштабность и но-

визну. Все это важнейшие исторические звенья, и все они принципиальны в рассмотрении функций советской литературы в духовной жизни общества.

А последние проявляются очень многообразно. Так, нельзя не назвать в первую очередь функцию **познавательную**, которую никак вместе с тем не обособишь, не оторвешь от функций **преобразующей** и **утверждающей**. Познание происходящего в духовных сферах советской литературой, начиная с самых ее истоков, всегда связано с необходимостью развивать и укреплять новое. Прекрасно, как мне кажется, об этом редкостном умении нашего искусства проявлять великое сказал Г. Бакланов. Ставя вопрос о том, почему Чапаев остался для нас едва ли не самым ярким героем гражданской войны — в силу ли исключительно того, что он действительно был крупным самородком, — писатель отвечает: «Да нет, наверное, не только потому, а еще и потому, что рядом с ним был Фурманов, и Фурманов написал о нем. А потом братья Васильевы поставили фильм, и Бабочкин сыграл Чапаева. Трудно измерить ту духовную энергию, которую многим поколениям дал Чапаев, пришедший к нам с экрана»\*.

Необходимо отметить, что духовная культура советского народа — качественно новая и по своему социально-историческому содержанию, и по психологической природе. Она формировалась на протяжении всего пути социалистического общества в условиях борьбы двух систем — социалистической и капиталистической. Постоянный объект забот и споров наших литераторов — наш современник — тоже рожден социалистическим строем. Марксистская наука о человеке обладает объективными критериями связи человека и общества, пониманием социального нравственного потенциала личности. Она активно противостоит различным антиисторическим концепциям — от спиритуалистической до биологической и борется с попытками «растворить» человеческую индивидуальность в экономических отношениях.

Марксизм-ленинизм утверждает общественно-историческую обусловленность сознания человека, но производственные отношения и идеологические надстройки не «проецируются» им прямо на духовный мир человека. Связи здесь намного сложнее.

---

\* «Вопросы литературы», 1978, № 4, с. 101—102.

Исследование этого вопроса — постоянно в центре внимания советских ученых. И в недавно принятом постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» говорится о необходимости усиления разработки «актуальных проблем марксистско-ленинской теории, вопросов идеологической работы» и одной из основных задач исследования называется «глубокий анализ духовной жизни общества».

Общество — сложная система социальных отношений, которую нельзя, по мысли В. И. Ленина, рассматривать как «механический агрегат индивидов»\*. В условиях социалистических общественных отношений формируется духовная культура нового общества, «социалистического общественного сознания, отражающих политические и социально-экономические революционные завоевания советского народа»\*\*. И чтобы увидеть важнейшие этапы этого процесса, его диалектику, необходимо рассматривать роль советской литературы в духовной жизни общества и ее функционирование в исторически подвижном контексте.

Когда говорится о духовной культуре социализма, то, конечно же, подразумеваются самые глубинные связи исторических и общественных обстоятельств и человеческого сознания. Она мыслится неотрывно от развития всего социалистического общественного сознания, отражающего политические и социально-экономические завоевания советского народа.

Когда сорок с лишним лет назад, используя предоставленную Советским правительством возможность, в Таджикистан приехали Эрвин Киш и Поль Вайян Кутюрье, их больше всего поразили сидящие рядом таджик и русский, бурные заседания комиссий по борьбе с неграмотностью, не менее бурное постижение тайн механизации тружениками Ленинабадского текстильного комбината и другие характерные приметы социалистической нови. Писатели работали тогда над циклом очерков о новом Таджикистане, и, вынося в заголовок одного из них вопрос «Что же изменилось в Ходженте?», Киш отвечал: «Люди и отношения между ними».

---

\* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

\*\* «Коммунист», 1974, № 12, с. 3.

Сейчас, естественно, пришли уже иные приметы новизны, и побывавший сегодня в тех же местах Виталий Коротич в своей книге «Человек у себя дома», где много места отводится и Таджикистану, говорит об экономических и социальных преимуществах механизации, дружеских отношениях между людьми разных национальностей. И другой украинский писатель Антон Хижняк, тоже в публицистической книге «Слово современника», столь же естественно рассуждает о том, что в Казахстане, например, трудятся представители сорока национальностей, что в одном только 1962 году в школы целинного края пришло сто тысяч первоклассников, а колхоз им. Эдуарда Вильде в Эстонии установил премию на лучшее произведение из колхозной жизни.

В трактовке писателей народнохозяйственные и национальные отношения в СССР предстают «драгоценным духовным достоянием», а интернациональные интересы трактуются как исторически закономерное явление, основанное на духовной преемственности поколений разных народов.

Сегодня у нас живет и действует **новая историческая общность людей — советский народ**. Единство советских народов — реальность. Мы решаем глобальные проблемы покорения космоса и океанских глубин, дальнейшего развития НТР, совершенствования производства в условиях развитого социализма: главное направление социального прогресса человечества, как было отмечено на XXV съезде КПСС, составляет укрепление позиций мирового социализма, сближение социалистических стран, рост их мощи и усиление благотворного влияния проводимой ими международной политики. «Мы живем в эпоху коренных социальных перемен,— подчеркнул Л. И. Брежнев,— продолжают укрепляться и шириться позиции социализма. Победы народно-освободительного движения открывают новые горизонты перед странами, завоевавшими независимость» \*.

В развитом социалистическом обществе повышается роль Коммунистической партии — руководителя и вдохновителя советского народа в его борьбе за осуществление программы коммунистического строительства, укрепляются связи партии и народа,

---

\* Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 27.

развиваются ленинские принципы во всех сферах жизни. Зрелый социализм предусматривает совершенствование образа жизни, гармоничное развитие личности. Формирование нового человека — одна из главных задач коммунистического строительства, закрепленная новой Конституцией СССР. С продвижением к коммунизму возрастает роль духовных факторов, повышается значение духовной культуры. Осуществленный XXV съездом КПСС анализ исторического опыта мирового социализма раскрыл преимущества и перспективы международного союза нового типа — мирового содружества братских народов социалистических стран. Но в чем, однако, выражаются конкретные черты духовной культуры зрелого социализма? Каковы ее важнейшие грани и проявления?

Советские обществоведы настойчиво подчеркивают значение общественной психологии и коммунистического мировоззрения как определяющих духовное богатство социализма, и они правы. Наша литература, обладающая очень тонким инструментарием и опытом в исследовании глубинных духовных сфер, тоже убедительно подтверждает этот вывод, рассматривая духовность советских людей в контексте важнейших явлений общественной жизни, в связи с острыми идеологическими битвами нашего времени. Когда Юрию Бондареву, например, в дискуссиях на Западе задали вопрос о том, стоит ли задумываться над смыслом жизни и не пора ли покончить с «утилитарностью» социалистической литературы, переключиться на волну «неосознанности», которую исповедуют представители «нового романа», писатель отвечал: «Я очень сомневаюсь, что иррациональная формула подготовлена поставить диагноз тому или другому явлению в обществе. Деформация может лишь еще больше запутать тонкие нити познания человека... Познание не может быть нейтральным — ведь вы хотите докопаться до истины. Истина имеет свои моральные измерения, свою объемность... Задача всякого истинно социалистического искусства — исследовать эти явления, ибо мы рассматриваем жизнь в диалектическом ее развитии».

В своем последнем романе «Берег» писатель подтверждает правоту такой позиции. Он — за объективные критерии познания человека и действительности, активизацию идеологических функций литературы в развитии духовной жизни общества и со-



циального прогресса. В дискуссии с редактором западногерманского издательства Дицманом Вадим Никитин, наш современник, советский писатель, изображенный Бондаревым, утверждает мысль о социальном вреде бездуховности и иррационального подхода к человеку. Опыт реалистического искусства служит ему серьезнейшим подспорьем в аргументации, всей своей историей являя собою обрезец объективно-исторического художественного познания. Задача прозы в том и состоит, что она исследует и познает характер отдельного человека и народа в целом.

Слишком зыбкая граница между добром и злом в современном человеке, утверждает Дицман, считая, что именно она главным образом и привлекает нынешнего читателя в романах Достоевского. Нет, граница достаточно четкая, возражает Никитин, чтобы различить, что это не совсем так. Главное у Достоевского — познание человеческой сущности. Западный роман отошел от прежнего реализма, потому что хотел быть реалистичным, вновь выдвигает посылку Дицман, стремясь с помощью удачного, как ему кажется, парадокса, выиграть спор: «роман-рентген, но без диагноза болезни, потому что врачи не знают, каким образом радикально лечить».

Никитин возражает ему: да, человек — такая же тайна, как мироздание, и это было известно еще тысячи лет назад. Но, считает он, дело не в том, что теперь не может быть канонизированного писателя, подобного Толстому, Томасу Манну или Золя, который заявлял бы, что знает о человеке все. Путь к познанию истины не оборвется и в коммунистическом обществе, а Толстой будет волновать современников до тех пор, пока живет человечество...

Итак, духовная культура социализма не простая сумма знаний и навыков. Это глубоко усвоенные человеком социально-политические и нравственно-этические ценности, ставшие органической частью его внутреннего мира и реализуемые на общее благо. «Принципиальное явление в мировой цивилизации — забота социалистического общества о выработке у каждого своего члена цельного научного мировоззрения, общественной сознательности, ответственности, коммунистической убежденности внутренней зрелости... Это одна из существенных особенностей новой цивили-

зации, в условиях которой важное значение приобретают духовные, нравственные факторы, как действенные ускорители общественного прогресса», — отмечается в журнале «Коммунист».

Нынешний этап характеризуется усиливающейся **духовной сплоченностью** советских народов, углублением социальной однородности наций. На каждом новом этапе преобразуются, расширяя свой диапазон, литературные взаимосвязи. Такова закономерность духовной культуры развитого социализма: чем богаче становится духовный мир данного народа, тем сильнее оказывается его потребность приобщиться к культурным ценностям других народов. Активное участие трудящихся всех национальностей в развитии науки, техники, культуры, которое обеспечивает зрелое социалистическое общество, не идет путем «обезлички» национальных особенностей. Наоборот, этот процесс потому и набирает силу, что основывается на духовном подъеме наций, на активизации духовной энергии народов.

На разных этапах, в разных жанровых, стилевых и национальных формах советская литература последовательно проникает в глубинные слои народного сознания, показывает кардинальные преобразования духовной жизни многочисленных народов СССР, становление новой духовной культуры социализма.

Я обращаюсь к историко-революционному роману, к многонациональному эпосу революции. Этот новый в мировой литературной практике тип романа интересен тем, что дает возможность представить особенности самого художественного генезиса социалистической духовной культуры.

Уже в первых своих значительных образцах эпос революции заложил в нашей литературе традицию постижения духовной жизни как процесса, общего для всех советских народов. «Всадники» Ю. Яновского, «Дохунда» С. Айни, «Священная кровь» Айбека и другие специфические по своей национальной и художественной родословной произведения сближаются между собой в изображении неразрывных связей духовной жизни и политики, зачатков новых нравственных взглядов и духовных устремлений. Эпос революции показывает гибель старого мира (взять хотя бы такое крупное произведение грузинской литературы, как «Похи-

щение луны» К. Гамсахурдия, показывающее крушение старых устоев, деградировавших исторически и духовно). Эпос революции запечатлеет и духовное возрождение человека в условиях нового общества, даже тогда, когда это возрождение совершается так непросто и нескоро, как у Гвади Бигва из одноименного и широко известного романа Лео Киачели. Эпос революции создает, наконец, новый тип человека, социально активной личности. А. Толстой позже напишет: «Изолированного человека больше нет, — это неправда искусства. Мы делаем шаг в глубь правды, определяя человеческую психику как становление личности в социальной среде».

Если сравнить написанные в разное время произведения «Правда кузнеца Игнотаса» А. Гудайтиса-Гюзявичюса, «Весенние ветры» Кави Наджми, «Дорога к счастью» Т. Керашева, «Берег ветров» А. Хинта, «Таврия» и «Перекоп» О. Гончара, «Сибирь» Г. Маркова, «Кровь и пот» А. Нурпеисова, то нетрудно убедиться, что показанное в них преобразование многочисленных наций в период борьбы за Советскую власть и в годы строительства социализма со множеством реалий национальной обстановки, быта, психологии и нравов не сводится к сугубо национальному возрождению, хотя и обязательно включает его в себя. Литература отражает закономерные черты становления духовного облика советских людей. И разве случайно, что произведение уроженца маленького степного аула, затерянного где-то в урочище Каскалбулак, сына кочевого казаха, — ауэзовский «Путь Абая» переведен нынче на английский, французский, хинди, китайский, испанский, арабский, монгольский, японский, на сингальский, кхмерский, немецкий, чешский и многие другие языки зарубежных стран и почти на все языки народов Советского Союза?

В лаборатории эпоса революции вызревали многие новаторские художественные принципы, здесь возникает движущаяся во времени картина формирования новых отношений между людьми, постижения человеком правды социализма. Эпос революции позволяет увидеть, как совершалась, говоря словами Фадеева, «огромнейшая переделка людей».

Каждая литература заявляет о себе в полный голос. И есть смысл присмотреться к некоторым структурным чертам произве-

дений, принципиальным в художественном восприятии духовной жизни, причем проследить их в движении, в поиске, чтобы тем яснее предстала их историческая диалектика.

Два примера. Первый — из лаборатории романа «Последний из удэге» А. Фадеева, в котором писатель хотел показать, каким образом происходит в процессе революционной борьбы «переделка рабочего класса и крестьянства», воплотить в форму романа наблюдавшуюся им прежде жизнь Дальнего Востока, «самых передовых представителей человеческого общества — большевиков, поведение буржуазии и интеллигенции» и «жизнь весьма отсталых народностей, многие из которых находились почти на ступени первобытного коммунизма».

Диапазон произведения, широкий и объемистый, потребовал соответствующих художественных измерений. «Роман «Последний из удэге» дается мне с большим трудом», — признавался Фадеев. Широта исторической перспективы, сложный комплекс социальных, нравственных и — для тех лет это было открытие — национальных проблем, представших в водовороте социальных катаклизмов, — все содержание романа, пафосом которого должно было стать рождение нового человека, не могло вписаться в привычные рамки.

В смысле структурной организации материала Фадеев в известной мере шел и на пересмотр достигнутого в «Разгроме». Во всяком случае не лишено резона замечание Ю. Либединского, что Фадеев «похоже было... стал с азав учиться искусству сюжетосложения... так как он вышел за узкие рамки изображения судьбы одного партизанского отряда... В «Последнем из удэге» он сломал рамки «Разгрома», ставшие для него слишком узкими».

Роман «Последний из удэге» положил начало тематическому направлению русской советской прозы, посвященному жизни малых народов, путям, которыми они шли к новой действительности, вливаясь в единую многонациональную семью. М. Пархоменко прав, говоря об этом. Это произведения А. Коптелова «Великое кочевье», В. Тан-Богораза «Воскресшее племя», Т. Семушкина «Алитет уходит в горы», А. Коптяевой «Иван Иванович», Н. Шундика «Быстроногий олень» и многие другие, посвященные народам Крайнего Севера и Дальнего Востока. Определил роман А. Фа-

деева также многие концептуальные моменты в постижении духовной жизни своих народов в творчестве Г. Ходжера, Ю. Рытхэу, В. Санги, в автобиографических повестях С. Токи, Д. Кимонко и других писателей.

Второй близкий по характеру замысла и поиска пример — из лаборатории «Романа межгорья» Ивана Ле.

Стоящее тоже у самых истоков советской романистики, это произведение украинского художника посвящено художественному исследованию духовных последствий преобразования Голодной степи в Узбекистане. Главное в писательском замысле — формирование нового духовного облика узбекского народа при социализме как процесса сложнейшего, сопровождающегося ломкой вьевшихся в плоть и кровь отживших традиций, переоценкой взглядов, привычек, убеждений, острой классовой борьбой.

«Роман межгорья» сегодня, быть может, особенно привлекает органической связью производственно-экономической стороны вопроса с политической и духовной. Сегодня об этом судить довольно легко. Все встало в свой логический и, как мы привыкли говорить, историко-литературный ряд. Но тогда решения вызревали трудно. Материал тоже долго не «поддавался» образному решению. Не находилось нужное русло и не связывались в единое сюжетное целое нити личных судеб и судеб народных.

Решительно освободившись от рамок цикла рассказов, а первоначальный план Ивана Ле был именно таковым, тема становления новой духовности выплеснулась к более широким берегам, поставила писателя перед необходимостью попробовать силы в романной форме, где развитие сюжетного потока и разрешение конфликтных ситуаций определялись бы изображением исторически преобразующей роли народа. И произведение «зазвучало», показав, как пробуждается к новой жизни проклятая аллахом и отданная во власть шайтанов Мирзачоль — Голодная степь. А ведь, по преданиям, даже мудрейший из мудрых шах Искандер, загубив не один десяток лет и не одну тысячу правозверных, не мог возродить ее к жизни...

Определение решающих точек отсчета в судьбах истории, раскрытие, используя выражение М. Горького, трудолюбия народа станут важнейшим принципом советской литературы в

художественном познании духовной жизни. Этот принцип проложит прочные мостки от литератур зрелых к литературам молодым, укрепит их центристское движение. И надо ли говорить, насколько значителен он в идейно-художественном обосновании рождения новой исторической общности — советского народа?

Характерно, например, что М. Стельмах, создав множество национально и исторически конкретных народных типов и показав эволюцию своих героев, прослеживает, как уже на самых ранних этапах формируются истоки общесоветского характера. В сущности, ведь все его романы объединяет раздумье о новом человеке, о становлении новой духовности.

В чем же видятся писателю ее приметы? Индивидуально они проявляются в разном, но в целом — очень многомерно. Это коллективизм, чувство бережной интернациональной солидарности, умение постоять за свои убеждения. Писатель любит подчеркивать высокую интеллигентность своих героев, людей земли, беспасажной деревенской бедноты. Крупно проходит у него и тема талантливости трудового люда, его одухотворенности и душевной открытости. Простая крестьянка тетка Мария из «Думы про тебя» очень естественно употребляет в своем лексиконе слово «идейность». Она считает, что идейность — это прежде всего правильное отношение к человеку, «а стучать да громыхать — и безмозглый сумеет, но от стука ни ум, ни хлеб не родит». Острота ума, готовность к добру и непримиримость к духовному иждивенчеству и враждебным вылазкам — это тоже грани новой духовности. И писатель утверждает их в присущем ему стиле: «Самое большое диво в мире — звезды и голова человека, и грешно затмевать зори и разум».

Лейтмотивом новой духовной культуры во всех романах украинского прозаика, вплоть до последнего — «Четыре брода», выступает красота, понимаемая в высоком ключе, как критерий поступка, мысли и чувства. По такому принципу создан образ Оксаны, деревенской труженицы, жены и матери, выписанной в духе народно-песенных традиций. Так выглядят и образы многих других героев произведения: сельских активистов Ярослава, а также Данилы Бондаренко; трогательного в своей верности любви

и трудовому долгу Стаха, данных в резком контрасте и в сшибке — не на жизнь, а на смерть — с теми, кто, подобно духовному дегенерату Семену Магазанику, боролся против нового еще в гражданскую войну и не оставляет своих поползновений и нынче. (В романе изображаются первые годы социалистического строительства.)

Общие традиции эпоса революции воплощаются в каждой литературе своеобразно, потому что, как отмечают Ю. Лукин и М. Иовчук, «в культуре любой нации на каждом конкретном историческом этапе ее развития синтетически отражена вся ее история, весь ее культурно-исторический опыт, выступающий в виде более или менее устойчивых национальных духовных традиций»<sup>\*</sup>.

Этот момент — далеко не формальный и не сводится к разнобразию национальных художественных форм. В особом здесь проявляется общее, причем по самым принципиальным линиям, поскольку вопрос касается более чем тонких соотношений духовного и национального. Точный социальный критерий позволяет писателям определять закономерное. Эпос революции — это внушительная панорама становления общих черт духовного облика советских людей разных национальностей, которые проявляются в единстве интересов, целей и действий, и которые, как подчеркивается в Программе КПСС, порождены новым типом общественных отношений, воплощают в себе лучшие традиции народов СССР.

Подобные тенденции имеют силу даже тогда, когда писатели обращаются к ситуациям, в известном смысле исключительным, как, например, С. Залыгин в романе «Комиссия».

Необычайное событие случилось в далекой боровой сибирской деревушке Лебяжке. Там была избрана Лебяжская Лесная Комиссия. Время было трудным, с безвластием и войной — 1918 год. Оно очень прочно захватывает в свой водоворот лебяжинцев, не оставив и этот «край» земли. Взять хотя бы постановление Временного сибирского правительства «О регулировании хлебной торговли», которое возвещало о вольных ценах на пшеницу и овес и которое мудрые жители Лебяжки правильно восприняли как издевательство над мужиком, над трудами его и над

---

<sup>\*</sup> «Коммунист», 1974, № 11, с. 82.

всей жизнью. За эти копейки хлеб свой можно было, конечно, продать, а что и где за них можно купить? Вдовы, сироты, калеки — таких в Лебяжке — через два дома в третьем,— а кто и чем будет помогать им?

Потому лебяжинский сход и выбрал Комиссию: «в такое время для жизни человеческой всего нужнее общество крепкое, дружное». В сущности, Лебяжинская Комиссия стала органом народного самоуправления, а насколько это было ответственно, говорит тот факт, что действовала она в период безвластия. С. Залыгин чрезвычайно точно, с глубины показывает созидательный, народный характер социалистической революции, шаг за шагом прослеживает деятельность этой уникальной Комиссии, трудный путь осознания лебяжинцами истин нового времени. Комиссия как за собственное добро стоит за сохранение общественного лесного богатства. Она разрабатывает и меры наказания за его самовольную порубку, и сама готова положить жизнь за лес; все это осмыслено в романе как проявление социальной активности героев, чистоты их нравственной позиции. Для членов Комиссии и других лебяжинцев далеко не безразлично, как устроится, на каких началах пойдет дальше их жизнь и какое место займут в ней человек, такие понятия, как честь, долг, любовь, справедливость.

Одна из интереснейших и трагичнейших фигур в романе — Николай Устинов, относящийся к числу «самых гражданских людей» в Лебяжке, вечный труженик и книжник, человек высокого нравственного долга. Он размышляет: «Делать все на свете самому, ничего не получая из чужих рук, — в этом счастья нету! В жизни должен быть дар, иначе одно только и останется ремесло, одна только мастерская и завод, в которых люди начнут строгать и печь свою жизнь, день и ночь без отдыха на обед и сон, а жить им будет совсем некогда». Дар понимается им очень емко. Заслуженный дар за труды человека и за моральные его качества, дар духовности, дар избирательный — не для всех. В сознании этого момента для Устинова далеко не маловажны нравственные накопления прошлых поколений и семена новой правды, которые уже успели с революцией засеяться в душах многих думающих сибирских крестьян, которые постигают ее в условиях



наитруднейших: старая государственность сокрушена, новое еще только-только показалось, брезжит где-то на горизонте.

...И в Лесную Комиссию начинают идти люди. Кто с чем. С жалобой на мужа по случаю его грубости, пьянства и побоев, по делам семейных разделов, по устройству школы. Комиссия решает все эти и многие другие «вопросы гражданственности, быта и общественного устройства», решает разумно, вдумчиво, руководствуясь высшими гуманистическими принципами, с осознанием своей моральной ответственности перед народом. И за них, за эти принципы ее члены стоят насмерть, не поколебавшись даже перед приговором ворвавшихся в Лебяжку денкинцев.

Роман о Лесной Комиссии. Но он и об историческом выборе. О необходимости его на трудном перевале истории. Потому не только неким стилистическим рефреном, который в конце концов мог бы быть, а мог бы и отсутствовать, но самой органической частью его художественной структуры является насыщенный страстью постижения истины крестьянский диалог о счастье, о справедливости, о человеке, о правде и будущем.

По духу, по постановке проблемы и даже в какой-то мере по выбору исторической ситуации залыгинскому роману очень близка эпопея карельского прозаика Николая Якколы «Водоворот».

Замысел этого обширного романического цикла («На берегах Пиртиярви», «Водораздел», «На перекрестных волнах», «На ясные воды») состоял в том, чтобы показать путь от патриархально-родового мышления карельских крестьян к осознанию целей социалистической революции. Трудности его осуществления становятся ясными, если вспомнить, что Яккола создал первое такое крупное, написанное на материале национальной жизни произведение в карельской литературе. Отсюда понятны и некоторые издержки; в то же время очень интересно следить за приметами роста молодой литературы. Последние особенно ощущаются на путях психологического «оснащения» хроникальной событийности. Здесь больше всего реальных проявлений того выравнивания уровней и точек сближения молодых литератур со зрелыми, о котором подчас много говорится, но которое трудно поддается «красшифровке».

Показать становление социалистической сознательности людей,

мышление которых «было конкретным, как у детей или первобытных людей», — этот ракурс требовал от Н. Якколы определенного жанрового поворота. И писатель его нашел, тоже создав роман о социальном выборе и тоже превыше всего поставив для себя принцип историзма. Ему никак нельзя было пренебречь изображением обстановки, деталями конкретного окружения, многочисленными реалиями повседневной деревенской действительности лесного захолустья Пиртиярви, что в семидесяти верстах от Ухты. Описательность историческому описанию — рознь. А в данном случае оно не только к месту, но даже целесообразно, поскольку готовит читателя к пониманию трудности и — одновременно — значительности совершающегося процесса второго рождения человека.

Что же касается географической локализации изображаемого в «Водоразделе», то и Н. Яккола и его современники в литературе весьма конструктивно решают вопрос о ее художественных и социальных функциях. Обращение Г. Маркова к Среднему Приобью к северу от Томска (Васюган, Нарым, Улулюльская тайга), Стельмаха — к подольской деревне, Мележа — к полесской и т. д. не самоцель. Отталкиваясь от реальных жизненных истоков, писатели идут к обобщению исторических закономерностей. Яккола тоже выходит на магистрали истории, настроив читателя на правду — обстановки, мировосприятия крестьян, действительных нужд и конфликтов времени, острой классовой борьбы. Процесс постижения новых понятий, формирование новых истин чрезвычайно труден, но неостановим. Такова логика, такова закономерность истории, с художественной убедительностью переданная в «Водоразделе».

Беглый по необходимости разговор об историко-революционном жанре я завершу обращением к «Полесской хронике» И. Мележа: в ряду многочисленных произведений она привлекает целостностью нравственной концепции и той же точностью национально-исторической специфики в постижении сложного процесса формирования нозой духовности, которая отличает, как можно было судить даже по отдельным примерам, лучшие образцы эпоса революции.

Вспомним сцену крестьянского собрания в селе Глинищи из

третьего романа хроники «Декабрь, метели», которой суждено было стать заключительной. (Смерть прервала работу писателя). Крестьяне, вчерашние колхозники, разобрали или, попросту говоря, растащили по дворам свое недавно обобщественное имущество. Колхоз развален, и восстановить его оказывается во сто крат сложнее, чем организовать вначале. Понимая всю сложность обстановки и не примитивизируя идею преимущества Советской власти и колхозного строя, не снижая ее высокого содержания и смысла, председатель волисполкома Апейка стремится донести ее до самых затаенных чувств и дум крестьянина, до сознания каждого. Он буквально прорывается сквозь дебри непонимания, индифферентности, равнодушия, а главное, собственнических страстей. Победных скачков здесь нет. «Полесскую хронику» я потому и сочла возможным сблизить с эпикей Н. Яковлевы, прекрасно сознавая все различие индивидуальной интерпретации темы и художественной специфики произведений, что и в ней тоже с эпической хроникальной размеренностью, хотя и иного рода, шаг за шагом раскрывается сложнейший процесс постижения крестьянином новых истин. Не забудем и важных различий — исторической ситуации в Белоруссии и в Карелии, а также уровня сознания белорусских и карельских крестьян. Не упустим из вида то обстоятельство, что белорусский мужик в своей бедняцкой массе был уже достаточно «образован революцией», если воспользоваться выражением М. Горького, еще со времен 1905 года. Иначе не поднялись бы на этой революционной волне крестьянские бунтары Якуб Колас и Янка Купала, показавшие возможности духовного роста своего народа, и не провозгласила бы Алоиза Тетка:

С той поры Москва, Варшава,  
Рига, Лодзь, Баку, Либава,  
Беларусь, Литва, Раса  
Гонят вон царя-злодея!  
Людам мысль одна в отраду,  
Что царя совсем не надо!  
Всюду строят баррикады,—  
За свободу биться надо!

Но вернемся к «Полесской хронике». При всем том перестройка сознания и у белорусского крестьянина шла трудно. У Мележа — установка на историзм, на невыдуманность человека.

«Тысячами самых разных, путаных, иногда казалось, неожиданных узлов вязала неутомимая жизнь человеческие взаимоотношения». И писатель показывает, как полешуки, жившие в гиблом месте, вокруг которого дышала кочковатая трясина да вечно шумели мокрые леса, развязывают эти узлы. Узел за узлом, рубеж за рубежом, а мета на душу положена, новая и еще одна, и человек все больше виден из трясины. Вот развязали узел — разбили банду Маслака, стали жить спокойнее, лучше. Разобрались с переделом земли, построили греблю, и остров словно раздвинулся — дети в школу через болото пошли. Туго, но неумно осваиваются белорусскими крестьянами новые слова, моральные категории вроде «мечты», о которой в Куренях не только не знали, но и слова такого не ведали. «Оно казалось немужицким, будто бы панским, столетиями ни к чему оно было в курневских халупах». Это не значит, что не будет больше драматических коллизий. Мележ не случайно рисует упомянутую ситуацию в Глинищах. Это был, пожалуй, один из сложнейших узлов, — восстановить колхоз, да еще при наличии допущенных при коллективизации серьезных перегибов. И все же объективный процесс истории неостановим. И выпрямляются, укрупняются, начинают словно бы высвечиваться изнутри рядовые этой хроники, как та же Ганна, вера в новое у которой и стремление отстоять свою волю, мнение, чувство становятся определяющими в выборе ее жизненной линии. Отдельные судьбы людей из болот все теснее начинают связываться с социалистическими преобразованиями в стране.

Художественное познание духовной жизни человека, народа неотрывно от социально-экономических, политических, идеологических и национальных факторов. Это важнейшая новаторская черта советской литературы, многообразно модифицирующаяся на современном этапе. Эпос революции дает возможность проследить ее в многообразии жизненных конфликтов и ситуаций, в разных национальных обстоятельствах и характерах.

## «Почему мы и сегодня пишем о войне?»

Миколас Слущикс говорит: «Лишь высокий накал конфликта выплавляет ценные духовные качества».

Эти слова как нельзя лучше характеризуют соотношения литературы и духовной жизни советского народа в годы Отечественной войны.

Война с особой силой выявила единодушие, единомыслие народов СССР, обострила значение единства народа и литературы. Перед лицом военных испытаний наши литературы все больше сближаются, еще ближе роднятся духовно. Сама духовная культура социализма подвергается в это время жестокой проверке, и недаром столько жизненного содержания вкладывается тогда в такие понятия, как духовная стойкость, духовное преимущество советского народа перед врагом, как духовные ресурсы и духовные силы советских людей. Это было время ответственного испытания идейных убеждений, патриотических, гуманистических, нравственных идеалов нашего народа, то есть всего того, что, как уже подчеркивалось, составляет неотъемлемые стороны социалистической духовной культуры.

Интернационализм советской литературы проявился прежде всего в массовом участии художников разных национальностей в боях, в их готовности пожертвовать своей жизнью. Многие из них доказали это на деле: татарский писатель Муса Джалиль, украинские художники О. Десняк, Я. Качура, А. Гаврилюк, литовский поэт В. Монтвилла, эстонский поэт и драматург Э. Тамиллан, замечательный русский художник А. Гайдар и многие другие. И, конечно же, готовность нашей литературы к подвигу выразилась и в отношении ее к слову как к грозному оружию, которое будет верно служить солдату, будь то стихотворения К. Симонова, П. Антокольского, П. Тычины, Янки Купалы, С. Нерис, Л. Гиры, которые распространялись в виде листовок и песен, или радиопублицистика И. Эренбурга, А. Толстого, Л. Первомайского и А. Кулешова.

Во время войны значительно выросла роль советской литера-

туры в духовном сплочении народов нашей страны, повысилась ответственность литературного единства. Расширились его географические рамки. В самый канун войны, как известно, в семью советских литератур влились литературы молдавская, эстонская, латышская, литовская, а также литература западных областей Украины и Белоруссии.

Самой жизнью подсказывается та большая внутренняя связь, которая существует между эпосом революции и произведениями о Великой Отечественной войне. Здесь не место вдаваться в подробности ее многочисленных проблемных и индивидуально-художественных воплощений. Можно только сказать, что она наиболее зрима, когда писатели изображают героев, которые прошли через огонь гражданской войны и отстояли Советскую власть во время Великой Отечественной. Подобно белорусскому крестьянину Езмелу Зазыбе из романа И. Чигринова «Плеч перепелки», который, участвуя в боях гражданской войны, навсегда «прикипел» к революции, а в лихолетье Великой Отечественной защищал нерушимость утвержденного Советской властью.

Критика неоднократно подчеркивала историзм нашей литературы о войне, ее высокий международный резонанс, стремление осмыслить подвиг советского народа с позиций современного мирового развития. XXV съезд нашей партии отметил значительные достижения в изображении подвига советского народа. Без ложного нагромождения драматических ситуаций писатели показывают героизм и стойкость советских людей, оценивая военные годы с интернационалистических, высокогуманистических позиций. Оценка подвига личности ведется с точки зрения народа, и можно со всей ответственностью утверждать, что литература о войне служит во многом примером последовательного и глубокого развития традиций народности.

На вопрос «Почему мы и сегодня пишем о войне?» В. Быков отвечает: «Хотя война продолжалась четыре года, но по своей напряженности, своей духовно-эмоциональной концентрированности она составила целую эпоху в жизни народа. В ней, этой эпохе, заключено очень многое — как совершенно новое, самобытное, так и явившееся следствием и продолжением предшествующих ей периодов. Война представляет собой целый комплекс

человеческих и общественных отношений, многие из которых так или иначе оказывают свое воздействие и на жизнь последующих за ней поколений».

В суждениях белорусского прозаика хорошо отражен гуманистический смысл подвига советских людей. «Вновь и вновь оглядываясь на войну», как говорит в своих фронтовых дневниках «Разные дни войны» К. Симонов, писатели концентрируют факты, обобщают опыт прежних лет. Во многих произведениях изображение военных событий переходит в осмысление человеческой сущности, бытия, смысла жизни, в своем гуманистическом содержании звучащее остро полемически по отношению к разного рода прагматическим модификациям, игнорирующим объективные критерии истины и сводящим действительность к поступкам индивида. Присутствует также мотив: еще раз все досконально проверить, уточнить, обнаружить, ничего, ни крупички не упустить. Сохранить даже, как часто бывает, саму напряженную эмоциональную тональность военных лет.

Последнее особенно касается поэзии, и показать мне это хочется на примере небольших поэм Платона Воронько «Ледяная легенда», «Зажег бы навечно», «Нож, трава и слово», «Зовут меня раны земные», которым присуще единство лирического чувства и объективной строгости взгляда.

Война не была вычитана поэтом. Ее подвиг, трагизм, тяжелый труд прошли через самое его сердце, дали сильные творческие импульсы, определили многие грани духовного мира его лиро-эпического героя. Потому так важны для Воронько овеществленность, зримость рисунка, реальная плоть поэтического повествования. Он должен бережно донести до современника то, что сам увидел, переживал и пережил, передать свое отношение к людям, которые шли тогда на подвиг.

Поэмам украинского художника не мешает стуженное до символа лирическое переживание, впрочем, как и его лирике подвластны характеры людей, раскрытых в духовной диалектике. Символика подчеркивает идею трагизма военных опустошений земли и величие человеческих душ. А эмоциональная обостренность стиля усиливает действенность призыва к людям быть бдительными:

Когда б сквозь меня древо жизни росло,—  
я поднял бы к самому солнцу табло,  
зажег бы навечно там дату одну:  
тот день, когда люди убили войну.

Снова и снова «оглядываясь на войну», наши писатели ищут современные и исторические критерии, оценивая подвиг советских людей. Они ведут разговор о моральной силе, помогавшей советским людям выстоять в тяжелейших испытаниях.

Можно обратиться к самым разным в стилевом и жанровом отношении произведениям, чтобы убедиться в этом. Трилогия «Живые и мертвые» К. Симонова и его же фронтовые дневники «Разные дни войны», романы «Плач перепелки» и «Оправдание крови» И. Чигринова, «Горячий снег» и «Берег» Ю. Бондарева, повести «Волчья стая» и «Его батальон» В. Быкова, произведения С. Смирнова, создавшего очерковую книгу о защитниках Бреста, «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, развившаяся до пяти книг «Блокада» А. Чаковского. Во многих из этих названных и неназванных книгах, вплоть до той, что включила в себя голоса чудом оставшихся в живых трехсот белорусских крестьян, «вышедших из огня, из-под земли», — «Я из огненной деревни» (документальная книга Алесь Адамович, Янки Брыля, В. Колесника) — фактором, сформировавшим стойкость советского человека, выступает опыт социализма, наша довоенная советская действительность, исследуемая современными художниками с нынешних позиций.

В том и состоит смысл неоднократно повторенного К. Симоновым «заново, теперь уже издалека вглядываясь в те дни», что писатель в своих фронтовых дневниках оценивает военный опыт, будучи уже вооруженным знаниями современной военной и исторической науки о войне, а также учитывая опыт послевоенного развития. Не сходя при этом с писательской человековедческой позиции, которую Алесь Адамович, на мой взгляд, точно определил как «измерение опыта личности судьбами народными и нравственным чувством народным». Не слишком ли высокая ответственность мыслить от имени самой эпохи? Да. Но современной литературе о войне присуща такая ответственность; ее критерии стойкости народного духа определяются социалистическим народным опытом. К тому же еще Довженко хорошо сказал, что писа-



гель, когда творит, должен чувствовать себя на уровне самого высокого политического деятеля, а не ученика и приказчика.

...Командир танка Ерохин, в прошлом круглый сирота, воспитавшийся в детском доме, о котором рассказал Симонов в своих «Разных днях войны» постиг секрет уничтожения фашистских «фердинандов», которые в первый день боя казались ему неуязвимыми. А ведь немецкое командование возлагало большие надежды на массовое применение этих машин. «Мои солдаты! Теперь наконец у вас лучшие танки, чем у русских,— писал Гитлер в обращении к солдатам накануне битвы на Курской дуге.— Могучий удар, который настигнет сегодня утром советские армии, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть все!»

«В исторических сочинениях о Курской дуге перечислено все, в чем просчитались и что недооценили Гитлер и его генералы, приступая к своей операции «Цитадель»,— пишет К. Симонов, оценивая этот момент.— С писательской точки зрения хочу отметить, что вдобавок ко всему прочему Гитлер недооценил еще и личность Ерохина, который после тяжчайшего во многих отношениях, в том числе и в психологическом, первого боя пополз с риском для жизни на ничейную землю выяснять, почему же все-таки загорелся так и не пробитый его снарядами «фердинанд», и как быть с этими «фердинандами» завтра — куда, в какое место лучше их бить?»

Рассказывая о «бесчеловечно жестоко спрессованном» военном времени, К. Симонов показывает подвиг советских людей как итог их духовного повзросления за год, за месяц войны и даже за один бой. Размышляя на эту тему сейчас и стараясь добраться до более точной формулировки своих тогдашних ощущений, писатель считает, что жизненный опыт, добытый годами войны, чем-то очень существенно отличается от всякого другого и уточняет: «Имея в виду духовную сторону, понятие «повзрослеть», мы обращаем обычно к детству и юности, но на войне это понятие вполне приложимо к вполне взрослым, видевшим уже жизнь людям».

О том, что такое понимание не чуждо и другим писателям, создающим современную художественную концепцию подвига со-

ветских людей, свидетельствует та же «спрессованность» времени в романах И. Чигринова «Плач перепелки» и «Оправдание крови», где духовное повзросление героев или, точнее, их духовная перестройка, определившая меру истинного единения народа на войне и меру подлинной человечности, совершается в течение первых двух военных недель. В романе Ю. Бондарева «Горячий снег», где то же повзросление совершается в течение длящегося немногим более суток кровопролитного боя с танковой группировкой Манштейна, посланной на помощь окруженным у Сталинграда войскам Паулюса. Тем крепче, тем надежнее повзросление, если оно совершилось в такие до крайности малые сроки и в таких экстремальных условиях, утверждают писатели.

«Кто с родной земли бежит, тот врага не победит». Так устами уже упоминавшегося Евмена Зазыбы формулирует Иван Чигринов важнейшую идею своего большого эпического замысла о стойкости народного духа и справедливости правого дела. Ведь плачет же перепелка. Не свистит по-своему, по-птичьи: пить, пить, а плачет: пить-пиль-вить, пить-пиль-вить... «Зазыба почувствовал это и с грустью подумал: если птицы так плачут, то как же должны голосить люди, у которых горя несравненно больше, а теперь — так его и вовсе через край?»

И, оказывается, даже такой зрелый человек, как председатель Веремейковского колхоза Родион Чубарь, может в этот высший момент душевной напряженности заново пересмотреть всю свою жизнь и по-новому осознать личную причастность к боли земли.

Чигриновым изображается человек ясной цели, волевой и деятельный, но внезапно лишившийся дела, должности, дома, положения. Был председателем колхоза и остался вдруг ни с чем. И если еще в близлежащих к Веремейковцам местах Чубарь чувствует себя уверенно, то по мере отдаления от родных краев он оставался только человеком, «обычным бродягой», как говорит писатель.

Силой трагических обстоятельств на передний план выдвигается личностный, нравственный критерий. Гражданское в человеке испытывается в крайне сложных психологических коллизиях, душевных и физических испытаниях. Писатель обличает не только жестокость фашизма, но и покорность жестокости,— мотив, кстати,

очень остро звучащий в нынешней литературе. Пришедшее к Чубарю решение остаться на оккупированной земле, чтобы воевать с врагом в партизанском отряде, жестоко им выстрадано. Но при всех ниспосланных на него испытаниях осталась нестомленной «внутренняя пружина» его души. Поэтому Чубарь и выстоял, не в пример бывшему военврачу, с которым судьба столкнула его на военных перепутьях и которого он убил,—это был первый, сделанный им на войне выстрел, и в сторону «своего».

Николай Плужников («В списках не значится» Б. Васильева), герои В. Петкявичюса («О хлебе, любви и винтовке») и В. Богомолова («В августе сорок четвертого»), Иван Капелюх («Тревожный месяц вересень» В. Смирнова) и многие другие действуют в кризисных ситуациях, требующих особого напряжения мысли, воли и чувства. В непримиримой сшибке позиций утверждаются гуманистические ценности. В. Быковым, проблема выбора для которого стала важнейшей нравственной проблемой.

Его герой, как правило, выбирает в доведенной до крайности ситуации. И выбор его часто включает в себя философский гуманистический смысл, подобно выбору-подвигу Левчука из «Волчьей стаи», сохранившего жизнь новорожденному. Недаром белорусский прозаик полагает, что от выбора часто вообще зависит значение самой человеческой сущности. Ссылаясь на слова Юрия Бондарева о том, что проблема выбора «дает возможность показать не самую войну (это задача историков), а возможности человеческого духа, проявляющегося на войне», он добавляет: «Для человечества это важно всегда, для нашего искусства это важно особенно. Вот почему мне кажется,—акцентирует художник,— что такого рода проблемы более подобает ставить в смысле этически обобщенном, хотя и не отрываясь от конкретного материала прошлой войны».

В повести «Его батальон» духовная зрелость героя измеряется той же самой высокой — народной мерой.

Эта повесть по-особому заострила проблему соотношений личного и общественного, и не только на войне. В равной мере она затронула и современность, а также проблему долга и совести, цены подлинной человечности и глубоко осознанной гражданственности. Только вчера комбата Волошина поздравляли с на-

градой, а сегодня он отстранен от командования батальоном — в такой ситуации происходит испытание героя. По мысли В. Быкова, на войне среди всех возможностей, которые предоставляет ситуация, чаще всего выпадает самая худшая, за которую почти всегда цена — солдатские жизни. Трудно бывает с ней согласиться, но и поиски путей в обход обычно приводят не только к конфликту с совестью, но кое к чему и похуже. Командиру вдвойне надо быть строгим в отношении к себе, чтобы потом требовать того же с подчиненных. И комбат Волошин не выбирает между командирским и человеческим долгом. Для него здесь не существует альтернативы. «Даже если он никогда не вернется к своему батальону и будет начисто отрешен от его судьбы, он не мог так просто и вдруг выбросить из своей души эту сотню людей. Только с ними он мог оставаться собой, командиром и человеком, без них он терял в себе все». Так стоит здесь вопрос, положительно, хотя и трагической ценой решенный для героя ходом повествования, завершающегося лаконичным, всего в четыре строчки, но стоящим целой главы постскриптумом: «Справка из архива». В нем сообщается о посмертном награждении комбата, прошедшего достойно до конца весь военный путь.

Человеческая жизнь. Для чего она и надо ли ее беречь? Человек и Родина. В чем их связь? Неоднократно в произведениях о Великой Отечественной войне можно встретить эти вопросы, причем часто в обостренно идеологическом звучании.

Образ Гедиминаса Джюгаса, героя романа «Потерянный кров» Й. Авижюса, раскрыт в сложнейших духовных катаклизмах. Позиция нейтрализма Гедиминаса, его субъективной честности не только оказывается нравственно несостоятельной, но и вредной в борьбе двух идеологий. Она объективно смыкается с откровенно враждебной позицией другого героя, изображенного в этом же романе — Адомаса Вайнората, который, следуя правилу: «чтобы нас не перемололи» («маленькая нация... между двумя исполинами как горстка зерна между двумя жерновами»), работает на фашистов. Через изображение судеб героев, путем показа тоже сложнейших духовных коллизий, сходную проблематику решает роман П. Куусберга «Одна ночь».

За эту снежную, поздней осени 1941 года ночь ничего, как

пишет художник, не произошло. И в то же время перед читателем прошла жизнь многих людей, столкнувшихся на военных перепутьях словно бы для того, чтобы по-новому оценить и себя и окружающих. Полная трагизма военная ночь стала духовной кульминацией, от которой идет новый отсчет прошлому в судьбах Маркуса, Дагмары, Эдиты, Глафиры Феокистовны и их спутников. Писатель намеренно сталкивает разные жизненные позиции и стремления, чтобы тем ярче высеклось его нравственное кредо, переданное посредством образной аналогии — связи листка (человека) и дерева (родины). «Пока листок прочно держится на ветке, а ветка на стволе, чьи корни не в силах выдрать из земли даже шторм, до тех пор он шелестит вместе с другими листьями, поворачивается к солнцу и питается живительными соками. Оторванный от ветки листок теряет все — и соки, и солнце,—любой может наступить на него, а ветер унести неведомо куда... Что будет с деревом, на котором все меньше и меньше листков, которые затоптаны или разбросаны по белу свету?»

Гуманистическая убежденность — одна из важнейших граней художественной концепции литературы о войне. В противовес утверждениям современных буржуазных философов о том, что детерминизм лишает человека свободы действий, парализует волю выбора между добром и злом, в силу чего якобы критерии нравственной духовной оценки личности оказываются несостоятельными, советские писатели поднимают этот критерий на самый высокий уровень социально-философских обобщений. Им часто поверяется не только поступок отдельного человека, героя. Порой это — мера духовного прогресса, человечности, исторической значимости личности, как, например, в романе украинского писателя В. Земляка «Зеленые Млыны», в котором проблема нравственного выбора приравнена к проблеме выбора исторического. Нравственная правда и гуманистическая идея утверждаются писателями в непримиримой борьбе идеологических позиций. «Прагматизм,— говорит В. Быков,—терпим, пока не преступает социально-нравственных основ нашего человеческого общежития. Да, разумеется, трудно требовать от человека высокой человечности в обстоятельствах бесчеловечных, но существует же предел, за которым человечность рискует превратиться в свою противоположность».

Насколько ответственна для человека эта предельная черта, видно из романа В. Бээкмана «Ночные летчики», показавшего войну, так сказать, с противоположной стороны, раскрывшего значение нравственных позиций и духовных возможностей личности «от противного». В ярко индивидуальном образе фашистского летчика капитана Берга заострены черты врага. Его душа, если вообще о ней можно говорить, неподвластна ничему, кроме силы приказа. Нравственная коллизия тем более трагична, что усугубляется ситуацией полнейшего духовного вакуума для капитана. Ситуация избрана предельно исключительная, повествование носит притчевый характер. Война прошла, а Берг, словно автомат, каждый четверг вылетает с последней оставшейся бомбой, ожидая приказа, который обозначит цель, потому что «этот день был отведен ему раз и навсегда», с тех пор как его самолет вместе с экипажем направили на крошечный клочок северной земли незадолго до конца войны весной сорок пятого года.

Не слыша долго привычных позывных, Берг мыслит только в рамках приказа. И характерно: сомнения в действиях начальства возникают у него лишь тогда, когда приблизился его собственный конец, смерть.

Конечно, финал «Ночных летчиков» не свидетельствует о нравственной перестройке Берга или о постижении им истины. В. Бээкманом изображен духовный тупик, характерный для идеологии фашизма. Так же изображается фашистский «антимир» и другими нашими писателями. Достаточно снова сослаться на роман В. Земляка «Зеленые Млыны», в котором фашизм изображается как «зажатая в панцирь автоматизма бездуховность».

Прозвучавшая в романе Юрия Бондарева «Горячий снег» нота: «На войне, где нет выбора», может показаться в известной степени диссонирующей к тому, о чем здесь ведется речь. И стылая неподвижность мертвенной декабрьской ночи, и огненная сплетенность боя с выстрелами, трассами, разрывами, крутыми дымами среди скопищ танков и пожарами — весь этот трагический колорит и неотвратимость боя будто всецело направлены на то, чтобы убедить, как «складываются в смерть трагические секунды». И все же в этом произведении критерий подлинной человечности тоже во многом связан с проблемой выбора. Не

случайно: сжато время боя, крайне узок островок советской земли, на котором он разразился. Не случайно сосредоточен писатель и на одной из исторически достоверных коллизий. Человек в объективно сложившихся обстоятельствах должен был проявить максимум решимости; чтобы выбрать; и от этого во многом зависел исход боя. Вопрос этот, как и у В. Быкова, и у многих других современных художников, пишущих о войне, решается: Бондаревым не только применительно к каждому герою в отдельности — к Кузнецову, Чибисову, Дроздовскому, Бессонову, но имеет и общий философский смысл.

Диапазон нравственного поиска в концепции писателя вообще очень обширный: от критериев выбора личности до осмысления истинности самого исторического бытия. Одна из активнейших ролей в романе принадлежит в этом смысле образу генерала Бессонова — командующего, внешне до педантизма сухого, но тем не менее каждый свой приказ до крупницы взвешивающего применительно к человеку. Его кредо: «От моего сердца зависит военное счастье каждого, и даже опасность смерти не может нас уравнивать».

Приказ и человек, военный расчет и возможность выбора, гражданский долг и личный интерес, военное насилие и свобода действий; фашистский вандализм и перспективы общественного развития — таков комплекс альтернатив, которые разрешаются писателем с позиций гуманистически и исторически понятой истины.

«Где же искать истину, господин генерал,— обращается к Бессонову пленный гитлеровец.— Кто несет божественную истину? Вы, русский генерал, тоже командуете солдатами, чтобы они убили!.. В любой войне нет правых, есть лишь кровавый инстинкт садизма».

Бессонов не был бы Бессоновым, если бы стал спорить с самим «изречением». Для него главное — насколько сказанное выражает позиции человека. Потому с его стороны и следует в ответ не контрмнение; а вопрос: «В чем смысл вашей жизни, если уж вы заговорили о добре и зле?»

«Я нацист;— господин генерал,— отвечает немец,— особый нацист: я за объединение немецкой нации и против той части про-

граммы, которая говорит о насилии. Но я живу в своем обществе и, к сожалению, отношусь, как и многие другие мои соотечественники, к мазохистскому типу, то есть я подчиняюсь. Я не всадник, я конь... Я зауздан».

Вот теперь уже Бессонову можно раскрыть и свой взгляд: «Очень любопытное соотношение... Парадоксальное соотношение коня и всадника. Нацист, пришедший в Россию с насилием,— против насилия, но выполняет приказания, грабит и жжет чужую землю... Мне ненавистно утверждение личности жестокостью, но я за насилие над злом и в этом вижу смысл добра».

Нельзя не вспомнить Барбюса: «В трагедии событий бывают моменты, когда люди не только искренни, но и глубоко правдивы, когда им открывается истина» («Огонь»).

Советский человек во время войны был поставлен историей перед необходимостью решать сложнейшие проблемы гуманизма, будущего человечества, и то, что современная литература ведет такой ответственный разговор с прошедшими днями,— только еще одно доказательство ее ответственности перед будущим.

Почему шли советские люди на смерть, на гибель, совершали подвиги? На этот вопрос дает весомые ответы цикл повестей Василия Козаченко \*. В самый ад, в кровавое гитлеровское пекло сбрасывают с самолета хрупкую семнадцатилетнюю девушку, в сущности — ребенка, Настю Невенчанную, и радистка, не дрогнув, выполняет в тылу врага труднейшее задание («Белое пятно»). Четырежды возвращается к жизни Микола Бармаш и думает не о своем спасении, а каждый раз лишь о том, как бы подороже отдать свою «следующую» жизнь, использовать считанные патроны («Цена жизни»). И тысячи «не хочу» Бармаша возникают именно потому, что «его разум, его чувства, его душа открыты для мук и страданий своего народа». «Не хочу, чтобы чужой солдат с оружием в руках безнаказанно ходил по моей земле... Не хочу, чтобы он толкал прикладом в грудь мою мать, бесчестил мою девушку, закрывал двери школы...»

Примечательно, что среди множества «не хочу» есть и такое: «Не хочу, чтобы он унижал, оскорблял и терзал меня. Не хочу

---

\* «Молния», «Цена жизни», «Горячие руки», «Письма из патрона», «Яринка Калиновская», «Белое пятно».



отказываться от того, что вошло в мое сознание, в мою плоть и кровь, что стало моим «я». Нельзя убить дух народа — это тоже один из важных ответов нашей литературы относительно внутренних стимулов героизма советских людей.

Разве не об этой силе духа рассказал своими зарисовками улыбчивый, открытый навстречу добру Дмитро под стон, скрежетание зубов, всхлипывание и лихорадочные сновидения своих товарищей по концлагерю, мечтая о том времени, когда в неимоверно далеком, почти сказочном мирном времени в родном и каком-то новом Киеве откроется огромная выставка его картин, которая потрясет людей глубиной пережитых в войну человеческих страданий и «силой, неистребимостью духа простого человека»? Фашисты калечат Дмитра, лишают самого дорогого для него — рук. Но художник одерживает моральную победу. Вся борьба между ним и комендантом концлагеря Пашке, пытающимся принудить его нарисовать фюрера в победном ореоле,— это борьба внутренняя, и выстоял в ней Дмитро. «Даже слепые, безногие, безрукие мы не будем погибшим поколением»,— говорит он, предпочтя смерть предательству.

О подобных людях в своей книге «Малая земля» пишет Л. И. Брежнев: «Конечно, чувство страха перед смертью свойственно людям, это естественно. Но решение в критическую минуту приходило как бы само собой, подготовленное всей предыдущей жизнью. Значит, есть какой-то рубеж, какой-то миг, когда у воина-патриота сознание своего долга перед Родиной заглушает и чувство страха, и боль, и мысли о смерти. Значит, не безотчетное это действие — подвиг, а убежденность в правоте и величии дела, за которое человек сознательно отдает свою жизнь»\*.

\* \* \*

«Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своей жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести... Это объясняется тем, что каждый рабочий и крестьянин, взятый под ружье, знает, за что он идет, и сознательно проливает свою кровь во имя торжества справедливости и социализма.

---

\* Л. И. Брежнев. Малая земля. М., 1978, с. 37.

В этих словах В. И. Ленина, написанных в годы гражданской войны, «глубоко и точно», по словам Л. И. Брежнева, раскрываются «исток нравственных сил народа, истоки бессмертного подвига нашего народа, который он совершил в годы Великой Отечественной войны во имя торжества справедливости и социализма».

## Герои жизни — герои литературы

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» призывает наших писателей к созданию «новых значительных произведений... талантливого отображающих героические свершения советского народа, проблемы развития социалистического общества...»

Советская литература во многом подготовлена к решению современных проблем жизни. Но и критики правы, когда говорят, что духовный мир нашего современника на деле богаче и многообразнее, чем в произведениях некоторых писателей и что создание подлинно типического художественного характера еще впереди. Сами писатели тоже не преуменьшают трудностей. «С одной стороны — это упрощенчество, с другой — приукрашивание», — такими, например, предстают они в понимании Мирзы Ибрагимова.

И все же достижения есть. И — немалые. Советской литературой определены емкие социально-исторические и эстетические мерил человека нового общества. Ею создан тип нового человека, самые высокие черты которого запечатлены в образе В. И. Ленина.

Этот образ поистине интернационального звучания находит свое воплощение в каждой из наших литератур, в творчестве представителей всех национальностей, будь то русские писатели Н. Погодин («Третья, патетическая»), В. Катаев («Маленькая железная дверь в стене»), Эм. Казакевич («Синяя тетрадь») или украинец В. Канивец («Ульяновы»), белорус П. Бровка («Всегда с Лениным»), литовец А. Балтакис («Ленин в Вильнюсе»), татарин С. Хаким («Заветная книга»), балкарец К. Кулиев («Горская поэма о

Пенине»), таджик Мирсаид Миршакар: («Ленин на Памире») и многие другие. За цикл произведений, посвященных Ленину,— «Семья Ульяновых», «Первая всероссийская», «Билет по истории», «Четыре урока у Ленина»,— старейшая представительница советской литературы Мариэтта Шагинян удостоена Ленинской премии (1972). Широкой известностью и признанием читателя пользуются книги Е. Драбкиной «Черные сухари», С. Дангулова «Дипломаты», а также написанные к 100-летию со дня рождения Ленина произведения В. Люфанова «Самый короткий путь», Д. Еремина «Золотой пояс», роман «Точка опоры» А. Коптелова, который завершил трилогию писателя о Ленине.

Современная литература глубоко осмысляет жизненность ленинских идей, их исторически преобразующую роль, влияние на ход общественного развития. Многими художниками исследуется соотношение: я (личность, современник) и Ленин. Критерием общественной значимости личности часто выступают революционные свершения. Еще в «Немецкой идеологии» К. Маркс писал о том «массовом изменении людей, которое возможно только в практическом движении, в революции». Поэтому закономерно видеть и революцию в художественном произведении в качестве фактора, формирующего человеческую личность.

В стихотворении П. Тычины из цикла «Времени слушай шаги...» (опубликован посмертно в начале 70-х годов) читатель вновь обращается к его вдохновенному творчеству, которое виртуозно запечатлело поэтический образ нашего времени:

Острее иголки сосновой  
И яростней пламени будь,  
Чтоб жарче воспеть все, что ново,  
Чтоб смаху старые полоснуть.  
Черпни из глубокой криницы,  
И времени слушай шаги,—  
Ведь нового нет без традиций,  
Все ценности ты сбереги.

П. Тычина формирует свою мысль о гениальной перспективности ленинских идей и в развитии поэтического сюжета, и в потоке лирического воспоминания-раздумья. В стихотворении «Сила мысли и труда» жизненность ленинских предначертаний пока-

зана на примере сегодняшнего Чернигова — современного социалистического промышленного города; в прошлом — глухой провинции. Мысль о реальном проявлении ленинского интернационализма пронизывает и другое стихотворение цикла «Времени слушай шаги...» — «Муса Джалиль в Киеве», в котором воспроизводится встреча с Мусой Джалилем на Шевченковском пленуме, когда татарский поэт приезжал на Украину вместе с представителями других братских республик.

В «Уманских воспоминаниях» М. Бажана (поэмы «Искра», «Соль») наблюдаем ту же сопряженность исторически-конкретного изображения с масштабностью идейной логики. Тоже к бывшей провинции — к Умани — обращается поэт, и тоже для того, чтобы подвести читателя к мысли о великой взаимосвязи в революции событий и людей, отдельных городов-точек и большого мира, чтобы раскрыть главную тему своего стихотворения о влиянии революции и Ленина на судьбы земли.

В основе конкретный факт: в 1903 году в уманской подпольной типографии были напечатаны № 41 и 43 ленинской «Искры». «Сном нескончаемым тянутся одурь и тление будней затхлой провинции», «...ездят попы, офицеры, лабазники, маклеры, дамы, юристы, охранники, возят конфеты, мадеру на праздники, сало, варенье, материю, пряники». И в этой затхлости, суховее, гнетущем кусты и взметающем шлях, рождается великое противостояние рядовых революции — «против эпохи и против пыли, против угроз и судьбы, и тьмы». В образах отважной подпольной наборщицы «Искры» Оксаны Петровны, а также красного комиссара Тита Аникина, который успешно решил проблему приобретения произведений искусства у населения для школьного музея путем обмена их на соль — самое дорогое по тому времени, — отразились особенности бажановского письма, сочетающего историческую масштабность с современностью художественного видения. Это люди ленинской закалки, преобразователи по самому своему существу, внутреннему складу.

Замечу, что воспроизведенная сюжетная коллизия во многом автобиографична. В свое время Микола Бажан с группой таких же безусых, как и он, энтузиастов, с мешками соли, которая ценилась на вес золота, колесил по уманским селам в поисках дра-

гоценных картин. «Много удалось спасти», — говорит он, вспоминая те времена. Поэма «Соль» органически вписывается в круг современных произведений, изображающих революционный подвиг («Книга о счастливом человеке» В. Долгого, посвященная Н. Бауману, «А ты гори моя звезда» С. Сартакова об Иосифе Дубровинском, «Любимый цвет — красный» Ю. Чернова о В. Ногине и др.).

В Постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» сказано о необходимости «оперативно реагировать на возникающие в жизни проблемы. Должно стать правилом: ни один вопрос, волнующий трудящихся, не остается без ответа». Это имеет непосредственное отношение к литературе, к правдивому художественному исследованию жизни.

На сегодняшний день в литературе все больше заявляет о себе тенденция к постановке глобальных проблем, связанных с предотвращением мировой термоядерной войны, рациональным использованием природных ресурсов, проведением активной демографической политики и защитой окружающей среды, а также международным сотрудничеством в самых разных сферах.

В художественном познании духовного мира советских людей многое решает талант писателя, его мастерство, способность широко и многосторонне мыслить. Мы говорим — и вполне резонно — о расширившихся и продолжающих расширяться связях нашего современника с миром, о непрерывном умножении самих условий проявления личности, вплоть до экстремальных, — космос, морские глубины и т. д. Открыватель новых миров — наш современник — двигатель исторического прогресса. Самой природой социалистического общества в нем заложено преобразующее начало, и каждый раз, на каждом новом этапе это рождает новые оценки и критерии его духовных возможностей, способствует развитию социалистического реализма, которому присуще утверждение неразрывных связей духовной жизни человека с ведущими тенденциями эпохи.

Как же проявляются эти объективные процессы в современной литературе? Готов ли художник воспринять жизненные пере-

мены? Ведь он сам — их современник и не в меньшей мере, чем его герой, их участник. Проблема адекватности духовного мира художника своему времени — одна из кардинальнейших современных проблем.

«Герои жизни — герои литературы». Так формулирует Г. Ломидзе кредо социалистического реализма, определяющее эстетическую взаимосвязь художественной правды с правдой века.

На вопрос журналиста, какие моральные качества необходимы, с ее точки зрения, селекционеру, лауреат Ленинской премии Герой Социалистического Труда известный ученый В. П. Мамонтова указала на О. П. Шегурдина, который, по ее словам, был для нее идеалом человека и ученого, «отличаясь настойчивостью и трудолюбием, целеустремленностью и неисчерпаемым творческим горением, я бы сказала,— уточняет Мамонтова,— одержимостью. К тому же он был внимательным и заботливым к окружающим его людям».

Можно сослаться и на множество других подобных оценок, тем более важных, что они сложились в самих трудовых сферах, где современник проявляет себя наиболее полно. Разумеется, литература не копирует действительности. Но о том, что она в своем отборе прочно опирается на реальность, свидетельствует ее художественная практика, в частности опыт публицистики, которая всегда была разведчицей новых социальных ценностей. Закономерно, что среди книг о рабочем классе нередко выходят и художественно-документальные. Некоторые из них написаны людьми, непосредственно связанными с производством. К примеру, можно назвать книги первого секретаря Полтавского обкома партии Ф. Т. Моргуна «Хлеб и люди» (эту книгу добрым словом упомянул Л. И. Брежнев на торжественном собрании в Алма-Ате, посвященном 25-летию освоения целины), а также Героя Социалистического Труда слесаря московского завода «Красный пролетарий» В. В. Ермилова «Счастье трудных дорог».

Публицистика не только открывает героя современности. Она присущими ей средствами и обобщает его типические черты. Ее цель — не только информировать, но, сочетая человековедение и социальный анализ, познать сущность нового. Обычно здесь очень наглядно предстает диапазон писательских интересов, хотя мера

объективности критериев духовности зависит, как правило, от того, насколько мастерски приблизил публицист героев к своему читателю, насколько создал впечатление духовного родства с ними — живыми людьми. Когда Ивана Винниченко спросили, чем «приворожили» его подлинные герои, он стал говорить не об их почетных званиях и должностях, хотя и это тоже немало, когда перед тобой — дважды Герой Социалистического Труда. И все же главное, с точки зрения публициста, что это — «самобытные, подлинно народные характеры... люди постоянного и целеустремленного творческого поиска», отличающиеся партийной принципиальностью в борьбе с шаблоном» \*.

Речь идет, в частности, об известном колхозном ученом Т. С. Мальцеве, заслуженном агрономе из Поволжья И. Д. Гусеве, ветеране колхозного строя, председателе одного из старейших колхозов на Одессине М. А. Посмитном, знаменитом механизаторе сельского хозяйства А. В. Гиталове, одном из организаторов первой на Ставрополье бедняцкой коммуны, многолетнем председателе колхоза «Коммунистический маяк» А. В. Чухно и, наконец, о представителе более молодой генерации колхозных руководителей — председателе колхоза «Памяти Ленина» на Черкасщине М. И. Коваленко. В них привлек писателя тип руководителя колхозного производства, и критериями духовности такого типа человека явились демократичность и коллективизм — черты, которые, по мнению И. Винниченко, было бы полезно унаследовать и следующему поколению руководителей. Они, «молодые, энергичные, образованные, по-настоящему интеллигентные, ни в коем случае не должны пренебрегать ценнейшими качествами руководителей предшествующего поколения, хотя те и не жили в эпоху НТР, но безусловно без них и НТР была бы невозможной».

Умение видеть «передовые черты сознания и психологии в реальных людях» для А. Фадеева было важнейшим условием изображения человека социалистического общества, изображения, показывающего его как носителя новой морали, в развитии передовых качеств. Наши публицисты едины в поиске таких черт духовной культуры личности. «Для меня главное в современном очерке — мысль,— подчеркивает А. Аграновский.— Было время,

---

\* «Литературное обозрение», 1973, № 7, с. 9.

когда очеркисты шли к своим героям за готовым. Они сами все знали, им требовалось всего лишь подтверждение... Нынешний очерк так уже не может. Ему необходима мысль — живая, острая, незагертая, без приписок и без подтасовок»\*.

Можно обратиться к разным книгам, чтобы четче представить самый диапазон поиска.

О героях пятилетки создан коллективный сборник очерков украинских авторов «В долине Сдвижа» (авторы Ю. Збанацкий, Н. Кашук, А. Хорунжий и др.), книги о БАМе написали Л. Горлач, С. Тельнюк («Магистраль века») и О. Лупий («Первая зима»). Наши публицисты пишут о КамАЗе, об экономике, лесе, газе и хлебе. О строителях-дорожниках, прокладывающих железобетонные магистрали вокруг Самотлора, написана книга Б. Галязимова «Кольцо Самотлора»; о строителях нефтепровода Самотлор — Альтемьевск рассказали Ю. Старцев и А. Кукарский. В журнале «Советский Союз», который выпускается на девятнадцати языках и поступает больше чем в сто стран двухмиллионным тиражом, систематически печатаются фотоочерки о сибирских стройках, о Тюмени. Напоминая об этом факте, Н. Грибачев говорит о том, что зарубежные читатели в письмах требуют — давайте еще, давайте как можно больше. «Потому что для них это такое открытие, романтика, подвиг, который в современном мире ни с чем не сопоставим; потому что здесь в исполинском облике проступает созидательная мощь социализма и в высочайших проявлениях — советский характер\*\*.

Во многих публицистических произведениях герой раскрывается в биографическом рассказе. Анализируется, как он внутренне созрел, идя к трудовому подвигу, показываются факторы формирования его сознания. И надо сказать, когда все эти приемы используются индивидуально в каждом отдельном случае и не разрушаются штампами, вроде «обязательных» производственных травм и столь же «обязательного» наличия чуть ли не с детства осознанного героем рабочего призвания (а подобное порой встречается даже в художественно-добротных очерках), то биография героя как бы сама подводит читателя к пониманию особенно-

---

\* См. «Вопросы литературы», 1978, № 3, с. 55.

\*\* «Вопросы литературы», 1978, № 4, с. 106.



стей его духовной культуры, достаточно ярко прочерчивает пути становления социалистического типа личности.

Часто в современной публицистике проявляется комплексный подход, широкое оперирование данными социологии, статистики и т. д. И если правы те, кто считает, что во всем своем многообразии облик нашего современника и, в частности, рабочего, может быть показан в литературе только объединенными усилиями в первую очередь писателей и социологов, то публицистика на сегодняшний день дает здесь многочисленные примеры такого делового, конструктивного содружества науки и литературы. Г. Марков по достоинству высоко оценил такие публицистические книги последних лет, как «Товарищ Москва», «Набережные Челны», «Полус мужества» о строителях Братской ГЭС, назвав их крайне интересными, нужными и перспективными и, кстати, не без основания указав на то, что таким книгам нужно давать лучшее оформление, более высокие тиражи, а также на тот факт, что литературная критика и вся наша печать должны проявлять к ним больше внимания.

В нашей печати немало пишут о такой примечательной черте современной публицистики, как пристальное внимание к новизне и активная борьба с инертностью мышления (здесь в первую очередь можно назвать очерки Ю. Черниченко, Г. Лисичкина, А. Злобина, А. Аграновского, покойного Г. Радова и др.). Круг интересов наших публицистов вообще необычайно широк, тематические и проблемные горизонты произведений огромны. В поле зрения писателей-публицистов — производственные процессы в нашей стране и техническая оснащенность сельского хозяйства, борьба с буржуазной идеологией, разоблачение капиталистического образа жизни и буржуазных «свобод». Недавно «Правда» провела конкурс на лучший очерк «О нашей социалистической нови, советском образе жизни и творце нового мира — советском человеке»; публицистика всегда широко представлена на страницах «Литературной России», в таких газетах, как «Труд», «Красная Звезда», «Комсомольская правда», «Литературная газета», во всех крупных центральных журналах, а также в многочисленных органах республиканской печати. В последние годы Союзом писателей СССР предпринято хорошее начинание — выпуск альманаха «Шаги»,

включающего лучшие публицистические материалы, прошедшие через периодику.

Говоря о публицистике, хочется вспомнить такое интересное ее ответвление или, точнее, жанр, как путевой очерк. Личные судьбы, жизненные коллизии, духовный мир человека наших дней предстают в нем, как правило, в широких социальных измерениях духовных возможностей человека. Достаточно назвать такие известные примеры, как «Ледовая книга» Ю. Смуула, «Владимирские проселки» В. Солоухина, творчество Н. Михайлова, В. Конецкого и других писателей.

Есть здесь и еще один интересный аспект. Он свойствен не только путевому очерку, конечно, а также его разновидностям. Но по этой линии намечается очень тесная смычка публицистики и собственно художественного осмысления важных жизненных проблем. Я имею, в частности, в виду осмысление проблемы «человек и природа», пристальный интерес писателей к судьбам земли в век НТР, тревогу за ее будущее. Г. Троепольского заботит судьба малых рек средней полосы России. Э. Ставский взволнованно пишет о проблемах мелеющего Аральского моря. О. Волков и многие другие художники отстаивают необходимость сохранения водных богатств Байкала. Иван Гигурко говорит о героизме людей, сражающихся с усиливающейся засоленностью Азовского моря, духовно мужавших в этих сражениях. М. Муллоджанова тревожит вопрос о том, верно ли, что плановики все еще проектируют тепловые электростанции в Таджикистане, хотя он богат именно гидроресурсами (республика занимает второе место по водным ресурсам в стране), и очевидно, что здесь в первую очередь надо строить гидроэлектростанции. Ненецкий писатель Л. Лапцуй с душевной болью переживает ущерб, который наносит человек, вооруженный техникой, природе тундры, и говорит о миллионах квадратных километров оленьих пастбищ в Ямало-Ненецком округе, сожженных, а также перепаханных гусеничными тракторами-вездеходами. Сожженный ягель может вырасти только через тридцать лет и то при благоприятных погодных условиях. «А ведь для коренного населения это все — питание, одежда, транспорт» \*.

---

\* «Вопросы литературы», 1978, № 4, с. 131.

Немало наших писателей обращаются к темам освоения земельных просторов и в то же время поднимают актуальный вопрос о бездумном хищении, гибели природных ресурсов из-за порой нерачительного и бездумного, нехозяйского отношения к природе (книги В. Распутина, В. Астафьева). Коренной сибиряк, сын таежного охотника и одного из первых организаторов коммуны «Дружба» на Васюгане, Г. Марков в романе «Соль земли» показал, что жители Сибири даже в трудные времена очень хозяйски и с думой о будущем берегли свою землю, лес и реки, думая не только о сегодняшнем дне, но и о нуждах новых поколений людей. В традициях лучших произведений советской литературы, утверждающих великий пафос преобразования земли, обновляющей весь духовный облик человека, народа и вместе с тем с бережливой вдумчивостью относящихся к природе, написаны записки мелиоратора С. Залыгина, дневник «Курдземите» И. Зиедониса. Критерии прекрасного и материальной пользы, целесообразности преобразования земли и вера в разум человека, его государственное рачительное обращение с природой выступают в этих книгах в своем самом нерасторжимом единстве. Лучшим книгам, поднимающим проблему «человек и природа», присущ широкий гуманистический взгляд, который основывается на тесной связи духовности, политики, экономики и социологии.

XXV съезд КПСС подчеркнул авангардную роль рабочего класса в обществе развитого социализма. Наша литература все более активно отражает трудовой подвиг рабочего, его революционность, коллективизм, круг морально-этических ценностей. И тот «живительный процесс обогащения искусства знанием жизни и, с другой стороны, дальнейшего приобщения многомиллионных масс трудящихся к ценностям культуры»\*, о котором говорил на XXV съезде Л. И. Брежнев, с особой отчетливостью проявляется в произведениях производственной темы.

Мне хотелось бы в связи с этим обратить прежде всего внимание на прошедшую в январе 1978 года в Тюмени Всесоюзную творческую конференцию писателей и критиков на тему «Герои великих строев нашего времени и советская литература», которая, по словам Б. Полевого, стала в некотором роде истори-

---

\* Материалы XXV съезда КПСС, с. 80.

ческой для Союза советских писателей. В конкретном, большом и по-настоящему деловом разговоре, который состоялся на конференции, объединились писатели самых разных творческих манер и интересов, рабочие, общественные и партийные работники. «Особенность общения писателей со своими читателями... состоит в том,— сказал Г. Марков,— что наши встречи перерастают из литературных монологов в товарищеские диалоги, насыщенные взаимным стремлением помочь друг другу. Это свидетельство, с одной стороны, роста доверия читателей к писателям, роста понимания сложности литературной профессии, а с другой стороны, это прекрасное доказательство духовной слитности советских людей, нерасторжимости их идейных и нравственных устремлений»\*.

Достаточно только назвать некоторые из обсуждавшихся на конференции проблем, чтобы наглядно представить, как широки и как серьезны социально-политические, экономические и духовно-эстетические параметры того явления, которое принято традиционно обозначать производственной темой:

- понятие социальной масштабности в литературе и изображение человека и производственного коллектива в эпоху развития того социализма; личность и исторический опыт народа;

- преемственность поколений людей разных национальностей в революционном обновлении и преображении нашей культуры и экономики;

- новые качественные аспекты современной героики и романтики; героизм и гражданственность;

- народные корни, народное начало политической и нравственной стойкости современного рабочего класса;

- природа и человек; романтика и прагматизм.

Действительно, разработку производственной темы наша литература ведет в самых разных направлениях, в разных жанрах, в широком многонациональном масштабе. Если взять, скажем, только один пример — обратиться к такому в высшей степени любопытному и, по словам Р. Мустафина, «еще недостаточно изученному феномену, как глубокая корневая связь советской литературы с великими стройками века», только очертить некоторые

---

\* «Вопросы литературы», 1978, № 4, с. 8.

границ обращения наших писателей к теме труда, то уже и тогда сама «география» поиска представится поистине ошеломляющей. Хорошим путеводителем «по этой карте» служат, кстати, тоже богатые материалы Тюменской конференции.

О прошлом и настоящем Сибири написаны крупные и широко известные произведения Г. Маркова, С. Залыгина, В. Кожевникова, А. Иванова. Существует целая библиотека произведений, посвященных людям нефтяного и газового Севера. Среди них — романы, повести и очерки К. Лагунова\*, киноман В. Ежова и А. Михалкова-Кончаловского «Сибириада», очерки А. Коптяевой «По следам Ермака», главы из книги «Вид с белой горы» А. Кешокова, повести Е. Мальцева «Мы едем в Сургут», Г. Свиридова «Открытие века».

За восемь с небольшим лет, прошедших со времени начала строительства КамАЗа, опубликованы сотни очерков, рассказов, стихотворений, несколько поэм, пьес, около десятка повестей и романов о людях этой великой стройки. Нельзя не вспомнить и такое полезное начинание Татарского книжного издательства, как выпуск художественно-документальной летописи КамАЗа. С 1972 по 1976 год вышло четыре тома этой летописи.

Во многих произведениях действует герой, с которым у нас связывается понятие «новый», то есть сформированный эпохой развитого социализма. В его гражданственности, широте взглядов и духовной культуре ощущается опыт народа. И часто мерилом самоопределения личности служит уровень постижения именно этого опыта.

В большинстве своем изображенные люди — люди большого дела и крупных планов. Они хорошо понимают новые технические и социальные требования — от четкой организации производства и ритма трудового процесса до сознательной товарище-

---

\* Роман «Одержимые» К. Лагунова в характеристике Л. Новиченко — «неровный по изобразительному мастерству и плотности языковой ткани, но написанный... с превосходным знанием материала и дающий убедительное представление об одном из типичных конфликтов нашего времени». В романе — это столкновение Лаврова и Мельника — начальников двух экспедиций, в основе которого глубокие причины социального, нравственного порядка («Вопросы литературы», 1978, № 4, с. 113).

ской взаимной требовательности в труде, и все это, естественно, не может не сказаться, не повлиять на их сознание и нравственные убеждения, хотя в изображении некоторых нюансов этого процесса и начинаются, пожалуй, главные трудности. Возникновение комплекса новых явлений, связанных с воздействием общественных изменений на психологию человека, не находит подчас убедительного художественного обоснования. Литература еще во многом «примеряется» к этому герою.

На творческой конференции в Тюмени, о которой говорилось, был дан, как мне кажется, образец анализа задач нашей литературы в осмыслении духовного мира человека труда на примере сибирского характера. Это понятие не этнографическое. Оно чрезвычайно сложное, многоплановое, психологически богатое и многонациональное. Сейчас на Тюменской земле живут и работают люди более пятидесяти национальностей. Сибирский характер — это многонациональный советский характер. Это духовный сплав многих замечательных человеческих качеств. И показать глубины такого характера — важнейшая задача нашей литературы. Сибирь — передний край коммунистического строительства, богатый людьми с высокими гражданскими духовными и нравственными качествами. Социальная масштабность в литературе, изображение человека и производственного коллектива в эпоху развитого социализма не могут быть сведены к изображению сугубо производственных реалий и процессов, приправленных для оживления сценами из личной жизни — к сожалению, встречается и такое. Производственная тема требует социально-философского художественного обобщения характерных тенденций времени, глубокого исследования личности советского человека в его связях с обществом. Так стоял здесь вопрос.

Формирование социалистической личности — процесс неоднородный и продолжающийся, перемены в психологии не являются зеркальным отражением собственных сдвигов. «Подвести итоги социального развития, — сказал Л. И. Брежнев, — да еще за короткий срок, сложнее, чем в экономике, — динамику социальных процессов не всегда можно выразить цифрами. Но если говорить о тенденциях, то они прослеживаются достаточно ясно.

Главная из них состоит в том, что советское общество стано-

вятся все более единым и сплоченным. В нашей стране впервые в истории решаются невиданные по масштабам и значению проблемы глубоких изменений структуры общественных отношений. Все дальше идет сближение классов и социальных групп, составляющих советское общество»<sup>\*</sup>.

Показать эти процессы, увидеть новые социальные грани образа рабочего и крестьянина, уловить нюансы сложной диалектики сближения классов, особенности «непрерывного духовного переустройства личности» (В. Кожевников) — долг литературы.

Научно-технический прогресс выражает закономерности исторического развития и в условиях социалистического общества обуславливает всесторонний расцвет личности. Постулаты современного буржуазного технического детерминизма, согласно которому НТР разрушает духовные ценности, равно как и утверждение современных ревизионистов, считающих, что всякая «машинерия» ведет к радикальному обезличению рабочего, не имеют под собой почвы. В романах Р. Стоуна «В зеркалах», в «Утопии-14» Курта Воннегута, в произведениях Витторио Дж. Росси и других современных писателей Запада находят свое место отголоски теории неизбежной деградации человека в условиях НТР, концепции «новых левых» и технократов, согласно которым руководить обществом в эпоху научно-технического прогресса, независимо от того, социалистическое оно или капиталистическое, должна «внеклассовая» интеллигенция, ибо рабочий якобы утратил свои революционные возможности.

И тем более повышается ответственность советского художника, которому под силу показать глубинные, диалектически опосредованные связи производственных отношений и сознания человека в век НТР. Проблема духовного мира самого художника в его связях со временем, или, точнее, проблема социально-философского и этического кругозора нашей литературы выдвигается на одно из первых мест. И совершенно правы те критики, которые новые нюансы характеров связывают с постижением исторического предназначения советского человека, его умения мыслить по-государственному.

---

<sup>\*</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 5. М., Политиздат, 1976, с. 71.

Эпоха НТР выдвигает перед писателем особой сложности задачи, среди которых одна из важнейших — художественное осмысление истоков и стимулов социальной активности героев, возможностей реализации этой активности, путей сопряжения субъективных личностных моментов с объективной необходимостью экономического и социального развития общества. У нас есть большая традиция исследования этих проблем, достаточно вспомнить такие произведения советской классики, как «Поднятая целина» М. Шолохова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Соть» Л. Леонова, «День второй» И. Эренбурга, «Энергия» Ф. Гладкова, «Гидроцентральный» М. Шагинян и др. Но время неудержимо идет вперед. Герой обретает новые качества, и само понятие социального в нынешних условиях значительно обогащается. Чувство социальной и нравственной новизны конфликтов, ситуаций и коллизий, которые стилизуют именно наш сегодняшний день, должно быть очень обострено у художника.

Человек и его дело. Как реально выглядит это соотношение в жизни и современной литературе? Как проявляется здесь аспект духовности?

Одним параметром — деловитостью сегодняшнего человека не измеришь. К такому выводу пришли, например, участники Круглого стола «Литературной газеты» — «Наш современник — рабочий» на Минском заводе ЭВМ им. Г. К. Орджоникидзе.

Интересно, что на этом заводе существует около семидесяти показателей для определения передовиков, среди которых имеются и такие, как дисциплина, сноровка, учеба (средний возраст рабочего здесь меньше тридцати лет), поведение в быту и т. д. То есть категории, не сводящиеся сугубо к деловитости, но, безусловно, во многом ее определяющие.

Насколько такая программа близка нашим писателям, свидетельствуют многие произведения последних лет, образы Бориса Рудаева (В. Попов. «Обретешь в бою»; «И это называется будни»), Аристарха Стурчака (В. Логвиненко. «Росава»), Дмитра Череды из трилогии Павла Загребельного — эти герои запоминаются как индивидуальные характеры, показанные в своих деловых и человеческих качествах. Эстетика современного производственного романа изменилась, потому что изменилась сама наша действитель-



ность, социальные и общественные отношения людей. Конфликт между рабочим Борисом Рудаевым и инженером Андреем Гребенщиковым — производственный («Обретишь в бою», «И это называется будни» В. Попова). Но герой не только обретает в бою, как верно подчеркивала в свое время критика, правильное производственное решение, но и утверждается духовно. Очень злободневно звучит сейчас определение производственного романа, данное А. Фадеевым, который, работая над «Черной металлургией», подчеркнул, что это будет не только роман о металлургии, но «роман о советском обществе наших дней, роман... самонужнейший, архисовременный». «Одна из мыслей этого романа в том, что технический прогресс на путях от социализма к коммунизму должен сопровождаться общекультурным подъемом масс, перевоспитанием душ,— без этого коммунизма не построишь...»

Большую сложность и остроту выдвигаемых обществом проблем передает публицистически насыщенное творчество Павла Загребельного. На читателя буквально обрушивается лавина информации, как в романе «Разгон», читая который, попадаешь в самую гущу споров о кибернетических разработках Норберта Винера и элементах комбинаторного анализа, о дискретной теории, о Блезе Паскале и Ферма. Из Киевской Руси П. Загребельный отправляется в Византию, Италию, Германию, Турцию («Диво», «Евпраксия», «Роксолана»), а из Украины — в дебри нью-йоркских небоскребов («Намыленная трава»). И все не по прихоти своей фантазии, а по глубоко осознанной необходимости видеть весь мир сразу.

Духовный мир человека и научно-технический прогресс, эмоциональная чуткость и технизация, человеческая индивидуальность и опасность стандартизации мышления в наш век, подлинное творчество и суетливость мысли, истинная и претенциозная духовность. И снова, только уже не на военной, а на мирной почве — проблема выбора, которая дается П. Загребельным в философском ключе, потому что «жизнь — выбор с борением». Можно было бы перечислять и много других проблем, поднимаемых П. Загребельным: место человека в структуре государства, преемственность поколений и т. д. и т. д. И все же есть у него главная творческая цель, которая соединяет воедино все это многоголо-

сие философско-социологических, исторических и нравственно-психологических начал, определяя свой ракурс художественного исследования духовной жизни. Это — человек и история. П. Загребельного давно тревожит мысль о духовных возможностях личности, о правах человека на вечность, на незабвение. Аспект безусловно нравственный, но каждый раз имеющий конкретный исторический контекст и потому каждый раз выдвигающий свой круг критериев духовности. Исходные же позиции романиста во всех случаях неизменны: человек должен жить и действовать в полную меру своих внутренних возможностей; только делами на общее благо жив человек.

В меру скептический, разбитной и коммуникабельный Дмитро Черета — веселый, ироничный, как характеризует его писатель, двадцатилетний хлопец — герой романов «С точки зрения вечности», «Переходим к любви», «Намыленная трава». Это преданный своей рабочей чести парень, который «рос среди рабочих людей, в весьма суровом мире, переполненном воспоминаниями о долгой, жестокой войне».

Если бы Дмитро был представлен только как хороший производственник, он наверняка остался бы незамеченным. А он вызвал разные мнения, видно, прежде всего потому, что по своему внутреннему складу — ершистый, насмешливый и беспокойный — не мог импонировать тем, кто мерил его стандартным «клише» положительности. Образ Дмитра порой до резкости прямо утверждает критерий нестандартности личности и индивидуального творческого начала. Само понятие духовности для него неподзластно никаким мыслительным шаблонам. Недаром среди окружающих Дмитра духовных антиподов — а их кольцо весьма плотное — столько внимания уделено технократу Держикраю, гротескно обезличенному не только своим пристрастием к белым сорочкам, но и стандартизированной речью, жестом, поступком и мыслью. Это, в сущности, разновидность того синтетического человека, который, по мнению некоторых фантастов, достойно заменит человека и в полемике с которыми тоже весьма активно утверждает свои критерии духовности П. Загребельный.

Дмитро и внутренне, и делом противостоит такого рода стандартизации. В этом, мне кажется, существо его беспокойной на-

туры. Он активен не как самовлюбленный в свою эрудированность доцент-схоласт Крижень. Его активность достается ему не легко и не без усилий, как у «продукта эпохи» — счастливика Гена, бессмысленно растрачивающего свое «я». Активность Череды ищущая, с достижениями, разочарованиями, подъемами и спадами, а потому глубоко творческая. (Иногда это качество, правда, больше рассказано, а не показано писателем.) Всегда безукоризненно одетый, знающий какой-то иностранный язык и загадочно жестикулирующий, чтобы, как он считает, привлечь тем самым любопытство женщин, «солидный», Токовой потому так резко противопоставлен Череду и Лене Шляхтичу, олицетворяющему душевную деликатность, что он, по словам писателя, дебелий не только «телесно, но и духовно, идеологически».

А в концепции писателя эти понятия нерасчленимы. Ибо что такое в деле духовная дебелий Токового, как не целая социальная программа, идеологически направленная против нравственных принципов социалистического строя и в угоду своему чреву, своей пользы, извращающая его высшие заповеди. «К чертям духовность и утонченную деликатность,— вот устои Токового,— человек живет среди железа и сверхтвердых металлов, здесь тонкости — излишняя роскошь, злостное разбазаривание человеческой энергии, так да здравствует же слоновость, носороговость, бегемотовость. Чем ты тяжелее, тем больше сможешь поднять проблем, легче пробьешься, потому что жизнь — это лес, сквозь который надо проламываться по-бульдозерьи, а я — тоже бульдозер, и назовите это как хотите: неуступчивостью, идейной целеустремленностью, или борьбой идеологий, это выдумал не я, выдумал кто-то во сто крат меня мудрее, но выдумал для моей пользы, и надо быть последним дураком, чтобы этим не воспользоваться».

Установка на тесную связь идеологических убеждений и духовных начал органична и для романа П. Загребельного «Разгон», в котором само понятие разгона, раскрытия человеческих возможностей в условиях развитого социализма и технического прогресса, широкой устремленности дела, мысли, чувства, идеи читается в ключевых высоких духовных представлений.

Мне уже приходилось писать об этом крупном произведении,

Здесь же, в аспекте избранной темы, хотелось бы подчеркнуть его пафос. «Разгон» направлен против тривиальной будничности и успокоенности мысли, против автоматизма жизни, мелочности и суеты, «которой легко поддаются люди ленивые, неорганизованные, посредственные или просто бездарные». Это раздумье о человеке наших дней, о социалистической духовной культуре, ибо «всюду, где исчезает духовность,— пишет художник,— где утрачивается творческий подход, где теряются высокие критерии, человек деградирует безудержно и неуклонно».

Все эти принципы во многом воплощает образ академика Карналя — крупного ученого, человека не самовлюбленного, а граждански целеустремленного. На протяжении 60—70-х годов наша литература вообще обогатилась многими произведениями, в которых изображается человек науки наших дней, даются образы ученых. Это — «Русский лес» Л. Леонова, «Иду на грозу», «Искатели», «Эта странная жизнь», «Однофамилец», «Кто-то должен» Д. Гранина, «Изотопы для Алтунина» и «Алтунин принимает решение» М. Колесникова, «Белая тень» Ю. Мушкетика, «Бессонница» А. Крона, «Камень чистой воды» Г. Панджикидзе, «Монолог» Е. Габриловича и др. Образ Карналя — в этом ряду, хотя есть некоторая логика и в оценке А. Бочарова, считающего, что этому образу недостает обобщающей силы, при которой нам достаточно было бы произнести «Карналь» и каждый представил себе уникально-типичный характер, как это происходит с именами Вихрова, Крылова, Любичева. «Случилось это, видимо, по той причине, что Карналь оказался лишенным главного: необходимости и умения бороться за утверждение нового. Он уже некий «небожитель», бесспорный авторитет, больше оракул, чем деятель».

Во многих новейших произведениях концепция социально активной, духовно богатой личности утверждается в борьбе и противопоставлении совсем иному началу: духовному иждивенчеству, приспособленчеству и духовному потребительству. Вспомнимся в то, как велика и по-своему впечатляюща шеренга этих многоликих и внутренне весьма неоднородных (как показал хотя бы образ Казюкена со своим «фатальным нравственным просчетом» и «комплексом социальной мести» в романе М. Слущиса «На исходе дня») героев, сближающихся в своей «духовной заскоруз-

лости». (С. Залыгин). Это люди типа стяжателя Вациса и умеющего ладить с начальством Тракимаса из романа В. Бубниса «Три дня в августе» — произведения, которое очень объемно, на мой взгляд, заострило проблему: материальный переизбыток или духовная полноценность человека, решив ее в пользу укрепления социалистических начал в быту и сознании людей. Это, далее, молодой, но уже многого достигший в «искусстве» приобщения к сытой и благоустроенной жизни Арчи, изображенный Висвалдом Ламом в романе «Итог всей жизни».

«Вот эта улица и вот этот дом»,— так пишет Лам, показывая обстановку, в которой живет этот бывший хулиганствующий молодой человек, отсидевший положенный срок и устроивший дальнейшую жизнь по разумению своей матери да и по своему тоже. Столбы бетонные, железные рамы в окнах дома с натянутой оцинкованной сеткой, будто парикмахером подстриженные кусты, большие ворота, от которых ведут бетонированные дорожки к дому и гаражу, огромная немецкая овчарка на страже материальных и «духовных» интересов обитателей этой усадьбы. «Ее бояться не надо, умная, дрессированная»,— поясняет жена Арчи, грузная женщина, практичная хозяйка и заботливая мать. Таков антураж, таковы обстоятельства жизни совершенно изменившегося Арчи — благородного с виду юноши, с холеной бородой и усами в стиле жюльерновского лорда Гленарвана.

Грозит ли Арчи духовное оскудение? Он сам во всяком случае так не считает. Осилит вечерний техникум, работает на фабрике, остепенился. Все силы своего «духа» он употребляет на то, чтобы утвердиться на этих началах, следуя жестоко выработанной системе принципов и даже создав своеобразную философию: жене **выгоднее** сидеть дома, тестю полагается пенсия, но **выгоднее** работать, а у тещи право получать пенсию **выгодно** сочетается с возможностью оставаться работать. «Лорд» знает, почем яйца в любое время года (белые леггорны несутся хорошо) и что **выгоднее** выращивать — цветы или плодовые деревья. Он знает, сколько можно «зашибить» в этом цехе и сколько в том, и насколько **выгоднее** на своей машине закупать продукты в Литве или еще где-нибудь. Его семья, как считает он,— добропорядочные, работающие люди, которые зарабатывают себе на хлеб на

фабрике, на предприятии, в учреждении, которые создают материальные ценности и за это получают соответствующее вознаграждение. Выгодно — девиз этого дома и всей семьи. Книг у них не видно, но будь это выгодно, они устроили бы полки во всю стену, и стали бы закупать печатную бумагу на кубометры. Театр? «Лорд» объясняет, что ради этого таскаться в центр невыгодно и т. д. и т. д. — почти до бесконечности.

И все же... Проживший очень нелегкую молодость, лишенный семьи и не имеющий, что называется, своего угла, трудно обретающий себя, бывший товарищ Арчи — Арий больше не хочет к ним заглядывать. Приняли его гостеприимно, звали приезжать, но он знал, что по своей воле никогда этого не сделает. Таков недвусмысленный ответ писателя на возможности такого рода нахождения своего места в жизни, такого рода «духовности», вывод тем более важный, что касается нравственного и, повторяю, далеко не легкого становления молодых.

Но обратимся к ряду «наших нравственных противников» (Д. Гранин). Этот ряд, как уже было сказано, достаточно большой и разноликий. Здесь «излучающие душевную энергию отравляющего свойства» люди, подобные Кулаткину из романа Г. Коновалова «Предел», у которых высший жизненный принцип — «меня не сколупнешь»; здесь действующий применительно к подлости Вдовин из романа А. Крона «Бессонница», а также сержант Меженин из бондаревского «Берега» — весь прочный, с красивым непробиваемым лицом и уверенной полуухмылкой, тоже «человека кусок», наглый циник и трус. Не менее, если не более, опасны и те — литература хорошо улавливает и этот момент, — которые подобно Кучмиенко (П. Загребельный. «Разгон») строят жизнь (читай: карьеру) на «доверительных», «дружеских» отношениях. Касаясь в своем романе «Друзья» таких вопросов, как ответственность должностная и дружеская, Г. Бакланов достаточно крупно дал анализ этого «дружеского» предательства, а Чингиз Гусейнов («Магомед, Мамед, Мамыш») раскрыл и немалую социальную опасность «системы» родственно-дружеских связей.

Конечно, далеко не все вопросы поставлены широко, некоторые моменты только названы или иногда обозначены. Подчас литература при всем своем остром глазомере только рассказы-

вает о «нравственных противниках», но не анализирует глубинные слои психологии приспособленчества, духовного браконьерства и потребительства. И есть логика в рассуждении Д. Гранина, когда он говорит о том, что «этих людей, их психологию, их духовный мир, их систему самооправдания наша литература не выделяет, не клеймит с той силой, как это было свойственно всегда русской литературе, которая открывала и бичевала пороки и недостатки общества, создавая такие типы, как унтер Пришибеев, Беликов, Обломов, Клим Самгин,— они есть и сегодня. В новых обличьях нравственные наши противники особенно опасны в сфере труда,— люди с циничным, потребительским отношением к работе, хапуги, разгильдяи, всякого рода захребетники... Они спокойно и безнаказанно (уточню: порой.— Н. Н.) сосуществуют рядом с энтузиастами, с героями трудовых будней. У них есть своя философия, даже воинственная!»\*

## Связь времен

Каковы черты будущего как исторически закономерной действительности? Чем будет жив человек, что он взял из прошлого и что передаст грядущему? Сложная соотносительность времени и нравственных ценностей характеризует сегодня многие писательские раздумья о нынешнем и предстоящем, о подлинном и преходящем, о личном и общественном.

Твоя биография твои достижения, твоя трагедия — это не личная мера. Так ставится вопрос Алесем Адамовичем в «Хатынской повести». Это все знамения века, но от тебя зависит, насколько будет значительным вклад твоего поколения в социальный прогресс. Есть большая народная история, общественное развитие, прогресс, но есть и «инквизиция, крестовые походы, варфоломеевские и всякие другие «ночи», вонючие «розы», бесчисленные тамерланы и богдыханы, украшающие планету монументами из миллионов человеческих черепов». И это тоже история. История — и действия гитлеровских карателей, хатыни и сонгми. И вся эта история в антифашистском, антивоенном повествовании белорусского прозаика звучит грозным предостережением челове-

---

\* «Вопросы литературы», 1978, № 4, с. 137.

ству, повышая значение личной ответственности каждого в борьбе идеологий, ответственности человека перед будущим.

Садись, странник, сядь, неведомый брат мой.  
Ты пришел издалека на сей перекресток,  
Именуемый жизнью.  
Где ты только не был —  
Прошел все века и помнишь много.

Это строки из «Поэмы начала» Ю. Марцинкявичюса. Приглашенный к серьезнейшему разговору о началах жизненных начал, Странник — образ глубоко обобщенный, символический (Странник «прошел все века»). Поэту и нужен именно такой образ. Ему важно соотнести свой взгляд об истине, о цене жизни и назначении человека с синтезированными веками взглядом, мерой вечности и человеческой истории измерить нравственные ценности современности. Идеалы ведь тоже вырабатываются в борьбе, в приятии высших достижений прошлого.

Как всегда у Марцинкявичюса, при всей обобщенности образного строя его произведений, символичности героев и обстоятельств, остаются очень четкими конкретная историческая плоть повествования и ее идейный потенциал. Так было в поэме «Кровь и пепел», в которой изображенный поэтом хлебопашец, не успевший окончить свою борозду (его убили фашисты), «оживал» для того, чтобы продолжить свое дело. Образ вновь прокладываемой борозды символизировал неуничтожимость созидательной деятельности человека. Он представлял и дороги единения людей всей планеты, противопоставлял созидание уничтожению, смерти, войне:

И протянулась эта борозда  
От Пирчюписа к Панеряй,  
От Панеряй к Освенциму, в Маутхаузен.  
Она, как жизнь, длинна та борозда,  
И, как траншея жизни беспредельной,  
Рвам смерти противостоит повсюду.

Сплав конкретного и символического начал, изображение борьбы созидательной и разрушительной стихий характерны также для поэмы литовского поэта «Стена», действие которой тоже основано на катаклизмах XX века, а своеобразным нервом является мысль о судьбах человечества. Символическим и вместе с тем



конкретным образом выступают в этом произведении страх, взятый в самом широком значении — от сомнений и душевной сумятицы, которым подвержен каждый человек, до социального зла, военного бедствия: опасность термоядерной войны и другие трагические явления нашего века. Человек должен преодолеть страх. Должен преодолеть его во что бы то ни стало — в этом пафос поэмы.

В такой же художественно-философской инструментовке раскрываются нравственные ценности в «Поэме начала». Судьбы и история советского народа, пережившего тяготы гражданской войны, а также трагизм Великой Отечественной, показаны здесь в контексте всемирной истории человечества. Строительство Вавилонской башни и пирамид, сражения у ворот Трои,— все эти и другие исторические реалии и реминисценции служат тому, чтобы с наибольшей ясностью выступил вандализм фашизма, ужас содеянного гитлеровцами во время второй мировой войны, чтобы настоящие и будущие поколения не забывали о кошмаре этого последнего, как говорит поэт, девятого круга Дантового ада — Освенциме и Хиросиме. В то же время история служит в «Поэме начала» и мерой высокого подвига советского народа, спасшего мировую цивилизацию, продолжившего духовный прогресс человечества.

Утверждение ответственности человека за историю, за жизнь, измерение его личных дел историей — главная идея «Поэмы начала». Человек не случайно пришел на «перекресток, именуемый жизнью». Он не пассивный созерцатель. Будущее делается его руками. И от него всецело зависит, каким будущему быть. Чрезвычайно точно найден объединяющий образ — нож, разрезающий хлеб. Слово «хлеб» даже графически, заглавными буквами выделяется Марцинкявичюсом в тексте. И в прошлом, и в настоящем, и в будущем — великое счастье ковать сталь для ножа, разрезающего хлеб. И самое страшное зрелище — хлеб, залитый человеческой кровью.

Не хлебом единым жив человек? Да. В этом и заключен смысл данной поэмы Марцинкявичюса, в качестве жизненных начал утверждающей в нерасторжимом единстве хлеб и слово, а также следующей «Поэмы огня», главный мотив которой — борьба

с духовной дряблостью, приглушенностью человеческого «я», неприятие «пыльных слов» и «пыльных взглядов».

Вселенная,  
Куда ведешь меня  
Над пропастью,  
По зыбкой, узкой грани  
Меж прошлым  
И грядущим?

Этот вопрос — своеобразный камертон в поэме Ю. Марцинкявичюса «Homo sum (missa brebis)» \*. В ней, словно бы продолжая начатый разговор, поэт выкристаллизует мысль всего своего нового эпического цикла, утверждает неуничтожимость мысли, гуманизма и прогресса. Весь исторический опыт человечества подтверждает правоту и силу Человека-борца, создателя, открытого добру, мужеству, справедливости, укрепляет узы солидарности с теми, кто противопоставляет себя всего без остатка черным силам тьмы и реакции, кто стоит за мир против тления и уничтожения человека. Все поэмы Марцинкявичюса настроены на будущее:

Мое дитя!  
К рассветному светилу,  
К любви грядущей  
Протяни ручонки  
И повторяй,  
Дитя,  
За мною следом:  
Homo sum!  
Homo sum!  
Homo sum!

Проблема будущих поколений вырисовывается в современной литературе вообще в качестве важнейшей. Вполне «взрослые» новейшие произведения значительно выиграли от того, что большую концептуальную нагрузку в них стали нести детские образы. Теперь уже критика не осмелится упрекнуть литературу в «бездетности». Образы детей здесь не оживляющий компонент и не указание на продолжение человеческого рода. Их роль, как было сказано, концептуальна.

Кому мы доверим наши идеалы? Насколько крепки духом и

---

\* Я есмь человек (короткая месса) — лат.

устойчивы те, кто сменяет нас? С таких позиций раскрывается духовный мир Мити и Машеньки («Друзья» Г. Бакланова), Маринки («Белая тень» Ю. Мушкетика), Хуоти («Водораздел» Н. Якколы), Дануца, Тани и Гены («Возрождение» Анны Лупан), астафьевского Витьки («Последний поклон»), гончаровского Порфирия («Бригантина»), Гриши Левенца («Львиное сердце» П. Загребельного) и многих других маленьких героев. «Как-то по-иному видишь мир, когда есть дети», — верно говорит баклановский Андрей («Друзья»).

Повесть Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря» — своеобразное сказание о неуточности человеческого духа, мысли и сознания. «Пока жив человек — духом он могуч, как море, и бесконечен, как небо, ибо нет предела его мысли. А когда он умрет, кто-то другой будет мыслить дальше, а от него — дальше, а следующий еще дальше и так — без конца». В очень ответственной философской инструментовке развивается партия мальчика Кириска. Детской душе «ничего не стоило отчаяться, надломиться, сокрушиться», когда над ней во всей своей реальности нависла смерть — ситуация, которая при всей своей символичности и сказовости заставляет читателя не раз внутренне сжаться в ожидании трагического финала. И дело не в физической, так сказать, благополучности развязки. Тем более, она далась маленькому герою такой трудной ценой! Важнее нравственный вывод, Кириск продолжит духовно стойкое и мудро человеческое начало, которое олицетворяли пожертвовавшие ради него своей жизнью аткых — дед Орган, отец Эмрайин, и ака, то есть старший родственник, Мылгун.

С образами детей в современной литературе часто связаны самые сложные проблемы. Можно указать еще на одну из них — на проблему нравственного становления, которая, как мне кажется, по-особому звучит в молдавской литературе.

История — это не только черепки, иконы и старинные звонницы, говорит своим ученикам Хория Миронович, изображенный в повести Иона Друцэ «Запах спелой айвы». История в этом произведении — это и межпланетная станция, и необранная в поле кукуруза, и «то, что происходит сегодня у нас в школе». Хория поставил своей целью воспитать в детях уважение к подлинной, народной истории и осознание в ней своей действенной роли.

В повести немало критериев духовной жизни народа, которые отличали творчество Друцэ и раньше. Это — близкое для него мерило родной земли, «кристально чистого преклонения перед трудом хлебопашца» и т. д. Но, пожалуй, как нигде до этого, здесь очень крупно определились критерии будущего, мерила духовности нынешнего поколения с точки зрения исторического прогресса.

«Нужно ли знать человеку свою историю?» — задает вопрос своему классу учитель и отвечает: «Да, ему нужно знать свою историю, потому что человек — это звено в единой, нескончаемой цепи, по которой течет жизнь. А кольца в цепи сделаны не для того, чтобы любоваться каждым в отдельности, а для того, чтобы они надежно и прочно служили. ...История научит вас, без чего вы можете обойтись, а без чего обойтись никак нельзя».

Друцэ подчеркивает значительность для человека убеждений. Только тогда можно доверить человеку будущее, когда он в полной мере осознает свою за него ответственность. А это под силу только человеку с убеждениями.

В Молдавии, как и в Латвии, Литве и Эстонии, становление социалистических нравственных норм и представлений шло в ускоренных темпах, в особых условиях, хотя, как показывает, скажем, роман Анны Лупан «Возрождение», имело то преимущество, что опиралось на опыт других советских народов.

Раскрывая целый ряд социально-общественных факторов в становлении духовного мира Илиеша Браду (преображение Молдавии за годы Советской власти, изменение условий быта и труда людей и др.), молдавская писательница немаловажную роль в духовном перевооружении героя отводит его сводному брату — мальчику Дануцу.

Илиеш Браду воспринял новую жизнь без особых раздумий. Советская власть была для него вначале как бы сама по себе, а он хотел остаться прежним — деревенским парнем, для которого все просто. Вот отслужит в армии, потом снова возвратится к привычной жизни... Но все перевернуло раскулачивание, которое коснулось его невесты Ольгуцы. Этого он уже никак не мог постичь. Здесь для Илиеша открылась просто бездна. Коллизия драматична тем более, что невеста оказывается неверной в своем

чувстве к Илиешу, а сам он не по-деревенски инфантильным, чтобы отстоять свое счастье. Герой Анны Лупан только формируется, и его сознание после пережитой встряски должно постепенно обрести очень прочные нравственные опоры, чтобы он смог верно оценить и смысл происходящей коллективизации, и то, что поднялось в его взвихренной душе. «Советская власть была его властью, но жизнь оказалась намного сложнее». И сколько бы дед Епифан ни повторял: «Самый святой храм — это душа человека, и как бы ни было тяжело, не дай зачерстветь душе. Без этого человек не больше, чем механизм», — на довольно-таки длительное время душа Илиеша зачерствела. Драма Ольгуцы на какой-то момент поколебала даже его веру в справедливость. И в том, что Илиеш выстоял и нравственно возродился, большая заслуга его брата Дануца, который поддерживал его не только своей верностью и подкупающей искренностью. Он стал для Илиеша примером душевной стойкости и уверенности в будущем, хотя Илиешем это почти не осознается, воспринимается где-то подспудно, путем постепенных духовных обретений, а значит, потому и основательно.

Емкость художественного пространства и времени, сопряженность прошлого, настоящего и будущего — характерная черта современной литературы. История личности во многих произведениях представлена как история времени в тесной связи с движением общества и народа. При всем индивидуальном своеобразии именно на этом основании сближаются такие крупные вещи последнего времени, как трилогия Ф. Абрамова «Пряслины», романы П. Проскурина «Судьба», А. Иванова «Вечный зов». В них хорошо показана историческая диалектика человека и общества, этапы формирования новой исторической общности людей — советского народа.

«Роман о связи времен» — такое определение часто встречается в нашей критике, но оно неточно. Связь времен в новейшей литературе, как правило, не является каким-то видовым отличием романа. Скорее это закономерная, вызванная потребностями вчужденного развития романного жанра (и не только его одного) структурная особенность, обусловленная диалектикой всего художественного сознания в наше время. Она наблюдается и

в произведениях эпопейного типа и в так называемых маленьких романах (последние романы О. Гончара, Лилли Промет, В. Лама, Э. Ветемаа и др.). Она присуща как произведениям, отличающимся эпическим взглядом на мир, так и тем, в которых превалирует лирическое восприятие мира. Самыми разными способами осуществляется в литературе связь времен, будь то изображение преемственности отцов и детей, испытание исторических ценностей настоящим или современное прочтение давно минувших эпох.

Но все ли времена сопряжимы? Какую цель, например, преследовал П. Загребельный, приближая своего читателя, человека наших дней к рассказу об убийстве в Киеве князя Игоря, потомка Рюрика в восьмом колене, правнука Ярослава Мудрого, сына Олега Святославовича и княжны половецкой, в крещении Феофании? Конечно, для писателя была важна прежде всего современная точка отсчета исторического факта. И такой отсчет в романе «Смерть в Киеве» произошел. Романист решительно повернул читателя от повода для рассказа к главной цепи, от факта к его сути. «А теперь,— сказал он,— рассказ должен неизбежно перейти к Юрию, в землю Суздальскую». Пусть это брошено словно походя в связи с конкретным сюжетным поворотом, но замечание не воспринимается как частность.

Роман действительно о Юрии Долгоруком, который при всех своих княжеских притязаниях в условиях заострившихся феодальных противоречий, княжеских междоусобиц и распрей, сепаратистски настроенных бояр сближал русичей с их историческими соседями — волжскими булгарами, половцами и угро-финскими племенами, жившими в междуречье Оки и Волги. Сохраняется, таким образом, историческая непрерывность цикла романов писателя о Киевской Руси.

С самого начала творчества определился как художник высокого духовного склада Олесь Гончар, романтизирующий крылатую возвышенность духовной культуры человека и остерегающий людей от бескрылости, бездуховности. Через все его произведения проходит идея ответственности перед будущим, часто раскрываемая в атмосфере тревожной и драматической, как в романе «Циклон», глубоко внедряется в сознание мысль о поступательности исторического процесса.

Даже если писатель полностью сосредоточен на настоящем, то и тогда он проникает в связь внутренних стимулов поведения нашего современника со всей той совокупностью социально-исторических факторов, вне которых не понять хода истории, формирования новых духовных качеств человека наших дней. Наша литература не только показывает результаты общественных закономерностей, но и художественно осмысляет самый процесс формирования исторических перспектив. А последний непрост, сопровождается социальными и психологическими катаклизмами, сложными сочетаниями и взаимосвязью индивидуального и общего, национального и интернационального, героического и самого обычного. В постижении особенностей современной духовной жизни для наших писателей всегда было крайне важным точное представление об исторической динамике, выразившейся и в судьбах поколений и отдельных людей, понимание того «смысла истории», о котором писал М. Горький.

Наше время не случайно называют временем обостренного исторического мышления. Чуткое к общественному тону, мышление художника тоже претерпевает серьезную эволюцию, диктует новые решения, активизирует поиски.

Сопряженность времен, масштабная протяженность пространства и времени, дающая сильный идейно-художественный эффект в познании процессов духовной жизни, по-новому раскрылась в новом романе Олеся Гончара «Берег любви». О нем уже немало написано, но мне думается, все же не до конца остается осмысленным самый диапазон художественной концепции духовной жизни украинского писателя, недостаточно полно обнаружены ее социально-философские и этические грани.

«Берег любви» — роман о современности, о верности трудовой сущности человека наших дней. Но столь же органично он включает в себя и сюжетно очень броскую линию, связанную с античной культурой Причерноморья, следы которой до сих пор видны не только в названиях тамошних мест, как Овидиополь и Овидиопольский район, но и в архитектуре, в планировке улиц и во многих других более или менее важных приметах.

...С самого дна моря поднимают археологи драгоценный улов — черепки амфор, в которых сохранилась эллинская смола,

канифоль. Здесь же, на берегу — стела белого мрамора и на ней надпись: «Я родилась от афинской матери и от отца из Гермона, а имя мое — Теодора. Я видела много стран и плавала по всему Понту, потому что отец мой и муж — мореплаватели. Божеству счастливы были мои дни среди любви и муз! И совсем молодая, родив дочь, я, оборвав надежды и жизнь, оставила этот солнечный мир и переселилась в бескрайний край — хадес».

Это не романтический антураж или средство занимательности. Обращение к прошлой цивилизации имеет у О. Гончара концептуальное значение. Черепки могли бы и навечно исчезнуть, и надпись на стеле могла бы быть начисто стертой — очень хрупкие эти, дошедшие до нас, «знаки» прошлых цивилизаций. И совсем уж — верить или нет — из области фантазии — миф о превращении Овидия в этих краях. Но они есть эти «знаки», вещественные доказательства духовной жизни прошлых времен. И почему, впрямь, не мог побывать здесь и Овидий, если местом его ссылки была Истрия, теперешняя Задунайщина?

Искусно и ненавязчиво прокладывает О. Гончар мостки из прошлого к нашим дням. Идет путем самым глубинным — от переживаний той далекой Теодоры к чувствам нашей современницы, юной поэтессы Инны Ягнич. Это не прустовские поиски «утраченного времени», ретроспекция и смещение временных пластов для доказательства изменчивой неуловимости человеческого духа, потока сознания в результате якобы давления на него непознаваемой действительности, как это выглядит в модернистском романе. У Гончара временные смещения способствуют философскому обоснованию и художественно-структурному воплощению «духовных измерений времени», если воспользоваться определением Чернышевского в отношении Л. Толстого, у которого время всегда было социально-историческим и не нейтральным по отношению к человеку, а обуславливающим сложную диалектику его души. В этом смысл глубокой полемики О. Гончара с «новым романом».

Духовный опыт прошлых цивилизаций не пропал даром. Он не локален, как пытаются утверждать буржуазные философы истории, отрицающие внутренние тенденции развития истории человеческой культуры и ее стадий.



Роман О. Гончара убеждает в обратном: в нем четко прослежена идея духовной преемственности человеческой культуры, широко развернута конкретно-историческая, социально-философская концепция, воплощенная в соответствующую художественную форму. Читатель верит художнику. Его анализ основан на тонких психологических нюансах, душевных реакциях героев, на внутренне ассоциативных и исторически опосредованных переходах от глубокой старины к сегодняшним дням. Двадцать с лишним веков приморской крепости. Тысячелетия канули с тех пор, как к этим берегам пришли вооруженные корабли с парусами римлян, и в прах превратилось то, что было некогда Августом и его легионами.

Добычей археологов стали и руины крепости — все изменило никем не побежденное время. Неизменными остались только одна зыбкая, мерцающая лунная дорожка на море и близкие современникам переживания тех безвозвратно ушедших прошлых дней. Но и через тысячи лет столкнулись чувства людей разных эпох, и протянулась между ними не эта исчезающая от ветра и волн эфемерная лунная дорожка, а связь внутренняя, духовная, ибо, как говорит один из героев романа, «века соединяются крепче, чем мы это себе представляем. Нетленная ветвь творчества — это, бесспорно, та надежнейшая из реальностей, которую не может ничто нарушить, над которой невластно и время».

\*  
\*  
\*

Художественное исследование духовной жизни общества — процесс сложный и неоднородный, проявляющийся у каждого художника по-своему. Объективно существующая реальность — духовная культура социалистического общества — исторически конкретное и развивающееся явление, которое имеет точное социальное содержание и определенные современные параметры. Уловить диалектику этого явления и его существенные грани, показать этапы становления и важнейшие современные черты, другими словами, художественно познать духовную культуру советского народа и активно способствовать ее развитию — одна из насущных задач советской литературы.

11 коп.

Индекс 70069

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
„ЗНАНИЕ“

